

INSPIRIA

ВИННИПЕГСКАЯ СТЕНА «Я»

18+

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Сурсаке. Бестселлеры Буктока. Мариана Запата

Мариана Запата

Виннипегская Стена и я

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Запата М.

Виннипегская Стена и я / М. Запата — «Эксмо»,
2016 — (Cursake. Бестселлеры Буктока. Мариана Запата)

ISBN 978-5-04-199016-9

Абсолютный бестселлер БукТока, более 300 000 000 просмотров! Он – звезда. Она – его тень. И они самая неподходящая друг другу пара. Ванесса Мазур знает, что поступает правильно. Два года проработав личным ассистентом известного футболиста, она наконец готова уйти и начать карьеру графического дизайнера. Эйдена Грейвса по прозвищу «Виннипегская стена» обожают тысячи, но на деле он холоден, недружелюбен и едва заговорил с Ванессой за все это время. Каковы шансы, что спустя месяц после ее ухода Эйден вдруг появится у нее на пороге и станет умолять вернуться? Ванесса ошарашена, ведь он предлагает ей кое-что еще: абсолютно возмутительное и даже опасное. Как отказать человеку, который привык получать все, что хочет? И что выйдет, если Ванесса все же согласится? «"Виннипегская стена и я" – это история о безусловном доверии. Она про то, что поступки гораздо важнее любых слов, и про то, что даже самую непробиваемую стену в одночасье может разрушить сила любви. Будьте готовы к тому, что ее герои украдут частичку вашего сердца, оставив взамен послевкусие абсолютного счастья». – Ава Хоуп, писательница, @avahopebooks «Книга, где нет места идеальным героям. Вы не сможете игнорировать безэмоционального Эйдена. Он – "стена", которую Ванессе придется не просто пробить, но и позаботиться о своем израненном сердце. Стилистика Запаты – это про неспешное раскрытие персонажей, медленное развитие любовной линии, про юмор и неизбитый сюжет. Мастхэв среди романов!» – Арина, книжный блогер, @maradyerbook

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-199016-9

© Запата М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мариана Запата

Виннипегская Стена и я

В память об Алане

Mariana Zapata

THE WALL OF WINNIPEG AND ME

Copyright © 2016 Mariana Zapata

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2024

© Галочкина А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Я убью этого придурка.

Однажды я это сделаю.

Через пару дней после того, как уволюсь, чтобы никто меня не заподозрил.

– Эйден, – простонала я, хоть и знала, что жаловаться и возражать бесполезно. Ответом мне был только печально известный снисходительно-презрительный взгляд, из-за которого в прошлом у Эйдена не раз были неприятности. По крайней мере, так мне говорили. Когда его брови хмурились, а уголки рта опускались и напрягались, мне хотелось только одного – засунуть палец ему в нос. Так делала моя мама, когда ее дети начинали дуться.

Винновник моих переживаний, который и не подозревал о том, что находится на грани смерти, недовольно фыркнул, придвигая к себе миску с салатом. Миску, которой хватило бы, чтобы накормить целую семью.

– Ты слышала? Отменяй, – повторил он, будто обращался к глухой.

О, я слышала. Четко и ясно. Поэтому и хотела его прикончить.

До чего удивительно устроен человеческий разум: как можно заботиться о человеке и одновременно хотеть перерезать ему горло? Это как иметь сестру, которую иногда так и хочется ударить. Не потому что ты ее не любишь, просто хочешь врезать ей по животу, чтобы преподать урок. Не то чтобы я знала это по собственному опыту.

Я так ничего и не ответила, и Эйден добавил, не меняя выражения лица и глядя прямо на меня:

– Мне плевать, что ты им скажешь. Отменяй.

Поправив очки левой рукой, я опустила правую, чтобы скрыть от Эйдена средний палец, который я ему показала. Выражения его лица и так было вполне достаточно, но этот тон, которым он разговаривал со мной, злил меня только больше. Он означал, что спорить бесполезно и мне придется это разгребать.

Как всегда.

Когда я только начала работать на трижды лучшего защитника года по версии Национальной футбольной лиги, мне не нравились всего три мои обязанности. Я не любила спорить с людьми, говорить им «нет» и очищать мусорное ведро, потому что я, помимо прочего, была тут и кухаркой, и уборщицей.

Но что я по-настоящему ненавидела – ненавидела всем сердцем, – так это отменять договоренности с людьми в последнюю минуту. Это совершенно выбивало меня из колеи и шло вразрез с моим моральным кодексом. Потому что обещание есть обещание. С другой стороны, это ведь не я разочаровывала его фанатов, а сам Эйден.

Чертов Эйден беззаботно поглощал второй за день обед, даже не задумываясь, с чем мне предстоит столкнуться, когда я позвоню его агенту и скажу, что Эйден не поедет на автограф-сессию в магазин спорттоваров. И это после того, сколько усилий мы потратили на ее организацию. Ура.

Я вздохнула. Чувство вины сжимало мой живот и терзало разум. Я наклонилась и потерла затекшее колено рукой, которая не была занята выражением моего негодования.

– Ты уже обещал им...

– Мне плевать, Ванесса.

И снова этот его взгляд. Мой средний палец непроизвольно дернулся.

– Пусть Роб все отменит.

Его огромное предплечье поднялось, чтобы Эйден запихнул себе в рот примерно полкило еды за раз. Вилка застыла в воздухе, когда его мрачный упрямый взгляд пересекся с моим.

– Что-то не так?

«Ванесса то, Ванесса се».

«Отмени встречу. Пусть Роб все отменит».

Фу.

Как будто мне вообще нравилось общаться с его агентом, а особенно по поводу отмены встречи с фанатами всего за два дня до мероприятия. Само собой, Роб выплеснет все недовольство на меня, будто у меня есть хоть капля влияния на Эйдена «Виннипегскую Стену» Грейвса. Я лишь однажды была близка к тому, чтобы помочь ему принять решение, – когда порекомендовала ему камеру для покупки. И то лишь потому, что у него «есть дела поважнее» и «за это я тебе и плачу».

Конечно, он был прав. Эйден платил мне столько – плюс то, что время от времени я получала от Зака, – что я готова была изобразить на лице улыбку, хоть и вымученную, и делать что скажут. Иногда я даже приседала в маленьком реверансе, который Эйден предпочитал не замечать.

Вряд ли он осознавал, сколько терпения мне требовалось, чтобы провести с ним эти два года. Другой давно зарезал бы его во сне. Я, по крайней мере, обычно продумывала безболезненные способы.

Обычно.

Он стал кем-то совершенно другим, когда порвал ахиллово сухожилие в самом начале сезона в прошлом году. Я старалась не злиться на него, правда старалась. Это непросто – выпасть на три месяца из игры, тем более что его обвинили в неудачах команды, которая в итоге не прошла в плей-офф. Вдобавок многие говорили, что Эйден уже не достигнет прежних высот после полугодового перерыва на лечение и реабилитацию.

Но Эйден есть Эйден. Многим спортсменам требовалось куда больше времени, чтобы снова встать на ноги и вернуться в игру. Но не ему. Вот только мне приходилось иметь с ним дело, пока он ковылял на костылях, и возить его по больницам.

Как выяснилось, даже моего терпения едва хватало на эту капризную маленькую сучку. Эйден любил футбол, и его наверняка пугал риск навсегда остаться за бортом или уже не достичь прежнего уровня. Не то чтобы он говорил о своих страхах вслух, но я понимала его без слов. Даже не представляю, что я чувствовала бы, если бы повредила руки и боялась, что больше не смогу рисовать.

Но раздражительность Эйдена достигла уровня, не зарегистрированного ранее в истории вселенной. А я знаю, о чем говорю, ведь у меня было три старших сестры, чьи месячные начинались в одно и то же время. После них почти ничего – и почти никто – не могло меня задеть. Я знала, что такое настоящие издевательства, и Эйден никогда не переступал черту. Он просто бывал иногда порядочным козлом.

Ему повезло, что я была слегка, совсем чуть-чуть влюблена в него. Иначе я бы уже давно его прирезала. С другой стороны, только слепой не увлекся бы Эйдемом Грейвсом.

Он приподнял брови и посмотрел на меня ярко-кариими глубоко посаженными глазами из-под изогнутых черных ресниц. Я сглотнула и покачала головой, рассматривая его лицо, улыбка на котором появлялась, только когда он видел собаку. Он был размером с небольшой дом, и, конечно, у него должны были быть крупные и грубые черты лица пещерного человека. Но Эйдену, похоже, нравилось опровергать любые связанные с ним стереотипы. Он был умен, проворен и скоординирован и – насколько я знаю – не видел ни одной хоккейной игры. Он выругался при мне всего дважды. И не употреблял животный белок. Этот парень не ел бекон! С другой стороны, он был бы последним, кого я назвала бы вежливым, и он никогда не извинялся. Никогда.

По сути, он был аномалией. Канадский футболист, который придерживался растительной диеты – он не любил называть себя веганом. И такой привлекательный, что оставалось лишь благодарить Бога за то, что он дал мне глаза.

– Как скажешь, здоровяк, – сказала я с фальшивой улыбкой, все еще держа средний палец за кухонным островом.

– Переживут, – обронил Эйден, не обратив внимания на прозвище, и расправил свои плечи, по которым без труда мог бы пройти небольшой человек. – Ничего страшного.

Ничего страшного? Вряд ли его менеджеры и агент согласятся с этим, но Эйден всегда делает так, как хочет, и никто не смеет сказать ему «нет». Они говорят «нет» мне, и тогда мне приходится разруливать ситуацию.

Что бы там ни думали другие, на самом деле защитник «Трех сотен», профессиональной футбольной команды Далласа, не был полным козлом. Он много ворчал и вечно был хмурым, но никогда не выходил из себя без веской причины. Он был требовательным: он точно знал, чего он хочет и что ему нравится. Это, конечно, замечательное качество. Другое дело, что всеми его требованиями приходилось заниматься мне, нравились они мне или нет.

Ничего, осталось недолго, – подумала я. Нужно потерпеть еще совсем чуть-чуть. При мысли об этом я слегка взбодрилась.

Пару месяцев назад сумма на моем банковском счете наконец добралась до очень приятной отметки благодаря силе воли, жесткой экономии и подработкам, на которые я тратила все свободное время. Я достигла своей цели и накопила подушку безопасности размером с мою годовую зарплату. У меня получилось. Нако-чертвосьми-нец-то. В воздухе уже почти пахло свободой.

Почти.

Я пока не сказала Эйдену, что ухожу.

– Что за лицо? – внезапно спросил он.

– Какое лицо? – Я моргнула, застигнутая врасплох, и постаралась прикинуться дурочкой. Не сработало.

Продолжая жевать салат, Эйден прищурился.

– Вот это, – мотнул он головой в мою сторону.

Я пожалала плечами, как бы говоря «понятия не имею, о чем ты».

– Хочешь что-то сказать?

Мне много чего хотелось ему высказать, но я слишком хорошо знала Эйдена. Ему плевать на меня и мое мнение. Он просто напоминал, кто тут главный.

И это не я.

Скотина.

– Я? Не-а.

Его взгляд скользнул по мне и остановился на руке, которую я держала за кухонным островом.

– Тогда убери свой палец. Я не передумаю, – сказал он обманчиво небрежным тоном.

Поджав губы, я опустила руку. Чертов колдун. Экстрасенс. Телепат. Он будто видел меня насквозь. И так было каждый раз, когда я решаюсь послать его куда подальше. Пусть и мысленно.

Не то чтобы я показывала людям средний палец направо и налево, но я разозлилась из-за того, что Эйден решил просто отменить эту встречу без причины. Но что я могла поделать?

– Ладно, – пробормотала я.

Эйден – который, я уверена, даже не знал, сколько мне лет и, тем более, в каком месяце у меня день рождения, – на мгновение нахмурился. Его густые темные брови сошлись на переносице, полные губы скривились. Но затем он пожал плечами, будто мое поведение тут же перестало волновать его.

Скажи мне кто-нибудь лет пять назад, что я возьму на себя всю грязную работу в жизни чужого человека, я бы рассмеялась. Я была не из тех, кто плывет по течению, – у меня всегда

были цели и планы на будущее. И больше всего я хотела обрести независимость и стать самой себе начальником.

С шестнадцати лет, когда на моей первой подработке в кинотеатре на меня наорали за то, что я положила в стакан слишком мало льда, я знала, что когда-нибудь буду работать на себя. Мне не нравилось выполнять чужие распоряжения. Я была упрямой и решительной, и это, по словам отчима, было моей силой и одновременно слабостью.

Я не рвалась к вершинам славы и не хотела стать миллионером. Меня не интересовала известность. Я просто хотела собственный небольшой бизнес по графическому дизайну, который позволил бы мне держаться на плаву и оплачивать счета и кое-какие приятные мелочи. Мне не хотелось зависеть от чужих капризов или чьей-то милости. Такой была вся моя жизнь, сколько я себя помню. Я все время надеялась – надеялась, что мама вернется домой трезвой, что сестры не забудут меня покормить, что дама из социальной службы не разлучит меня с братом. Почему я вообще ударилась в воспоминания?

По большому счету я всегда знала, чем хотела заниматься, и наивно думала, что дело за малым.

Но никто не предупредил меня, что жизненный путь похож не на прямую линию, а на лабиринт. Ты то и дело останавливаешься, возвращаешься, снова идешь вперед и время от времени оказываешься в тупике. Но важно помнить, что выход есть. Он где-то там.

Надо только не сдаваться, даже если очень хочется.

Особенно когда кажется, что проще и не так страшно идти протоптанной дорожкой, а не прокладывать собственный путь.

Эйден встал, держа в руке пустой стакан. На фоне его халкоподобной фигуры кухня казалась меньше всякий раз, когда он был здесь... то есть всегда. Естественно. Он потреблял до семи тысяч калорий в день. А в футбольный сезон и все десять. Конечно, он целыми днями торчал на кухне. И я тоже – готовила ему еду.

– Ты купила груши? – спросил Эйден, оставляя позади весь наш разговор и мою попытку послать его, и налил в стакан воды.

Меня ничуть не смущало, что Эйден поймал меня на месте преступления. Когда это случилось в первый раз, я думала, что умру от стыда, а потом меня уволят. Но теперь я знала Эйдена. Ему было плевать на это, или, по крайней мере, так мне казалось, потому что меня до сих пор не уволили. Многие намеренно пытались вывести его из себя и иногда кричали такое, что я была просто в шоке. А Эйден? Он никак не реагировал и делал вид, что ничего не слышит.

Честно говоря, его выдержка впечатляла. Сама я дергалась, даже когда мне сигналили на дороге.

Да, Эйден вообще впечатлял, и женщины на улице откровенно пялились на его задницу, но – хотя многие люди решили бы, что я идиотка, раз не хочу работать на человека, который был лицом спортивного бренда – я твердо решила уйти от него. Это желание с каждым днем становилось все сильнее.

Я из кожи вон лезла ради этого. Никто не помогал мне. Годами я шла к тому, что однажды буду работать на себя. Приходилось звонить мудакам, которые заставляли меня чувствовать себя каким-то недоразумением, или заботиться о белье, принадлежавшем пресловутой заднице.

«Скажи ему, скажи ему, скажи ему прямо сейчас, что планируешь уйти», – в отчаянии взывал ко мне мой разум.

Но голосок сомнения и неуверенности в себе, который у меня был вместо внутреннего стержня, ответил: *«Куда спешить?»*

Мое знакомство с Виннипегской Стеной началось с того, что он спросил: «Ты умеешь готовить?»

Он не пожал мне руку, не предложил присесть. Теперь я понимаю, что уже тогда должна была увидеть, как будут устроены отношения между нами.

Он только спросил, как меня зовут, когда впервые открыл мне парадную дверь своего дома, и тут же повел на свою огромную роскошную кухню, какие я раньше видела только в рекламе. Затем он сразу перешел к вопросу о моих кулинарных талантах.

До этой встречи со мной уже говорил его менеджер. Дважды. Предлагаемая зарплата меня устраивала, а остальное на тот момент мне было неважно. Мое кадровое агентство трижды вызывало меня в офис на разговор, чтобы убедиться, что я подхожу для работы со «знаменитостью», как они называли Эйдена.

Я была хорошим кандидатом, со степенью бакалавра, разнообразным опытом работы – я три года была секретарем адвоката по бракоразводным процессам, имела довольно доходную подработку по продаже косметики и вещей из каталогов и каждое лето фотографировала всех, кто готов был мне заплатить, – и отличными рекомендациями.

Но я была уверена, что не это помогло мне получить работу, а полное невежество во всем, что касалось футбола. Когда по телевизору показывали игру, я обычно не обращала внимания. Я даже ни разу не видела Эйдена Грейвса до первого дня на новом месте. Я обычно не рассказывала людям, что за всю жизнь видела только те футбольные матчи, на которых была только в старшей школе.

Поэтому, когда менеджер упомянул имя моего будущего работодателя, я тупо уставилась на него. Думаю, именно отсутствие энтузиазма обеспечило мне это место.

Даже после того, как менеджер Эйдена предложил мне эту работу, я не удосужилась погуглить его. А смысл? Вряд ли что-то, что о нем писали в интернете, могло изменить мое решение. Будь он хоть наемным убийцей, я бы согласилась на эту работу, если бы за нее достаточно платили.

Вообще-то даже хорошо, что я не стала его гуглить. Позже, когда мне пришлось заняться рассылкой рекламных фотографий фанатам, я обнаружила, что ни одна фотография не отдавала должное Эйдену Грейвсу.

Он был настоящим зверем – ростом почти два метра, весом, который в середине межсезонья доходил до ста тридцати килограммов, и с внешностью скорее какого-то мифического героя, чем простого смертного. Даже полностью одетым он выглядел как монстр. Никакой картинной мускулатуры. Он просто был массивным – с головы до ног. Я не удивилась бы, если бы рентген показал, что кости у него плотнее, чем у других людей. Все его мышцы были заточены на то, чтобы перехватывать мяч и блокировать квотербеков из команды противника.

Футболка XXL в утро нашей первой встречи не скрывала рельефа его мышц – спины, груди, рук. Его просто разрывало изнутри. Спортивные штаны трещали по швам. Сейчас я вспоминаю, что его кулаки тогда показались мне похожими на огромные булыжники. И мне еще никогда не приходилось видеть таких широких запястий.

И это лицо, на которое я буду смотреть так долго. У него могли бы быть грубые черты, как у других крупных парней, но Эйден был красивым – необычно красивым. Высокие скулы, впалые щеки, квадратная челюсть. Глубоко посаженные глаза, подчеркнутые густыми черными бровями. На лице как будто всегда лежала темная вечерняя тень из-за щетины, даже если он только-только побрился.

Эта щетина не скрывала белый шрам, который тянулся от виска до уха. Полные губы придавали бы его лицу капризное выражение, не будь Эйден гигантом с таким суровым взглядом. У него были оливковая кожа и каштановые волосы. Я заметила золотую цепочку, выглядывавшую из-под ворота футболки, но весь образ Эйдена Грейвса настолько захватил мое внимание,

что только через несколько месяцев я узнала, что это медальон с изображением святого Луки, который Эйден носит не снимая.

Одного его размера было достаточно, чтобы меня напугать, не говоря уже о пронзительном взгляде его карих глаз. Все его существо, казалось, источало угрозу.

Но несмотря ни на что, первой моей мыслью было: твою мать! Но я тут же отогнала ее: нельзя так думать о своем новом боссе.

В тот первый день я смогла лишь кивнуть ему в ответ. Тогда я думала, что сделаю что угодно, лишь бы сохранить эту работу. Агентство и его менеджер сказали мне, что готовка входит в мои обязанности, и это не было для меня проблемой. В детстве я на горьком опыте усвоила простую истину: хочешь поесть, позаботься об этом сама. Сестрам было не до меня, и никогда нельзя было предугадать, в каком настроении будет мама. В колледже я мастерски готовила у себя в комнате на тайком установленной плитке.

Эйден уставился на меня и сказал то, к чему я была совершенно не готова:

– Я не ем продукты животного происхождения. С этим будет проблемы?

Знала ли я, как готовить без мяса, сыра или яиц? Не то чтобы. Никто до сих пор не упоминал этого условия, и, если не знать, ни за что не скажешь, что он веган. Но я не собиралась сдаваться и снова браться за три работы разом – только если это не будет моим единственным выходом. Так что я соврала.

– Нет, сэр.

Он стоял посреди кухни в темно-синих брюках, белой рубашке с короткими рукавами и коричневых туфлях и сверлил меня взглядом. Я так нервничала, что сцепила руки в замок перед собой. Я была одета в повседневном деловом стиле, который агентство порекомендовало мне для работы.

– Уверена?

Я кивнула, уже решив, что найду рецепты в интернете с телефона.

Эйден слегка прищурился, но не стал заострять внимание на этой очевидной лжи, а на большее я и не рассчитывала.

– Я не люблю готовить и ходить по ресторанам. Я ем четыре раза в день и выпиваю два больших смузи. Ты будешь отвечать за регулярное питание, остальное – мое дело, – сказал он, скрестив руки на груди, больше похожей на сундук. – В компьютере наверху – все мои пароли. Ты будешь читать все письма на моей электронной почте и отвечать на них. Еще нужно несколько раз в неделю проверять мой абонентский ящик. Ключ от него – в шкафчике у холодильника. Позже я запишу тебе адрес почтового отделения и номер ящика. Когда я вернусь, сделаешь себе дубликат ключей от дома. Мои страницы в соцсетях надо обновлять ежедневно. Мне все равно, что ты будешь постить, главное, чтобы это было в рамках разумного.

Эйден многозначительно посмотрел на меня, но я не приняла это на свой счет.

– Стирка, планирование, – продолжил он список моих задач. – Кроме того, в моем доме живет еще один человек. Мы обсудили это с ним, и, если ты согласна взяться за это, можешь время от времени готовить и ему. За дополнительную плату.

Еще деньги? Я никогда не отказывалась от возможности подзаработать. Если речь не шла о минете.

– Вопросы? – поинтересовался мой новый босс.

Я только молча покачала головой. Эйден не сказал ничего, что выходило бы за рамки моей должности. И, возможно, я была слишком занята, разглядывая его, чтобы что-то сказать. Я никогда не видела профессионального футболиста вживую, хотя в колледже дружила с парнем, который играл в команде. Я даже не представляла, что люди могут быть такими огромными, и пыталась представить, сколько Эйдену нужно есть, чтобы получить необходимое количество калорий.

Он скользнул взглядом по моему лицу и плечам, а затем твердо и решительно уставился мне прямо в глаза.

– Ты, похоже, не особо разговорчивая?

Я просто немного улыбнулась и пожала плечом. Я не болтушка, но и робкой меня не назвать. Просто мне не хотелось накосячить еще до того, как я пойму, чего он хочет от своего ассистента.

Оглядываясь назад, я думала, что, возможно, произвела не самое лучшее первое впечатление, но черт возьми. Как будто я могла вернуться назад во времени и что-то изменить.

Единственное, что мой новоиспеченный босс Эйден сделал в тот момент, это слегка опустил подбородок, что, как я узнала спустя время, в его представлении считалось кивком.

– Хорошо.

За прошедшие два года мало что изменилось.

Разве что я перестала называть Эйдена «сэр» и произносила больше двух слов за раз в разговоре с ним.

Я знала об Эйдене все, что могла, учитывая, что личную информацию приходилось тянуть из него клещами. Я знала, сколько ему лет и сколько у него денег, какие специи он терпеть не может и какую марку нижнего белья носит. Я знала его размер обуви и любимые блюда. Знала, одежду каких цветов он никогда не наденет и даже какое порно он смотрит. Я знала, какое у него заветное желание – обзавестись собакой, когда у него появится больше свободного времени. Не семьей, а собакой. Он хотел собаку.

Но все это мог узнать какой-нибудь сталкер или просто наблюдательный человек. Эйден крепко держал свои тайны в этих огромных руках. У меня было ощущение, что, решив я выяснить, о чем он молчит, это заняло бы всю мою жизнь.

Я попыталась быть дружелюбной, когда поняла, что мои вопросы не разбудят в нем Халка, но все было напрасно. За эти два года он ни разу не улыбнулся, ни разу не ответил на мой вопрос «Как дела?». А его взгляд, от которого у меня волосы вставали дыбом, и этот почти самодовольный тон, которым он так и напрашивался, чтобы его выпорол... кто-нибудь покрупнее меня.

Наши отношения развивались в формате «начальник и подчиненная». Я изо всех сил старалась заботиться об Эйдене – как только можно заботиться о человеке, которого видишь не меньше пяти дней в неделю, который тебе платит и который относится к тебе как к подружке надоедливой младшей сестры, которая ему и даром не нужна. Два года я мирилась с обязанностями, от которых была не в восторге, но зато мне нравилось готовить и общаться с фанатами Эйдена.

Отчасти именно поэтому я до сих пор не уволилась. Комментарии фанатов на странице Эйдена в Фейсбуке или Твиттере не раз поднимали мне настроение. С некоторыми людьми я успела неплохо познакомиться за годы общения в интернете, и это всегда напоминало о том, что работать на него – отнюдь не плохо.

В общем, это была не худшая на свете работа. Платили мне прилично, график меня вполне устраивал. И едва ли не каждая женщина, узнав, на кого я работаю, говорила, что у меня самый сексуальный босс в мире. Что есть, то есть. Если придется паяться на кого-то сутками напролет, пусть это будет парень, рядом с которым померк бы любой мужчина с книжных обложек, дизайном которых я занималась.

Но есть в нашей жизни то, что невозможно осуществить, не рискуя собственным благополучием. В том числе и начать работать на себя.

Именно боязнь рискнуть не позволяла мне сказать Эйдену «чао, парниша», хотя у меня была куча возможностей.

Я переживала. Увольняться с хорошо оплачиваемой и стабильной – по крайней мере, пока у Эйдена все в порядке с карьерой – работы было страшно. Но нельзя было вечно цепляться за эту отговорку.

Мы с Эйденем не были друзьями, и в наших отношениях не было какого-то особого доверия. Да и с чего нам быть друзьями? Я могла вспомнить от силы трех человек, с которыми он общался вне тренировок и матчей. Отпуск? Он ни разу не брал отпуск. Вряд ли он вообще знал, что это такое.

В его доме не было ни одной фотографии его семьи или друзей. Вся жизнь Эйдена Грейвса вращалась вокруг футбола. Это был центр его вселенной.

В целом я мало что значила для Эйдена Грейвса. Мы с ним просто сосуществовали. Эйдену нужна была помощница, а мне – работа. Он отдавал распоряжения, и я их выполняла независимо от того, нравились они мне или нет. Время от времени я тщетно пыталась повлиять на его решение, ни на секунду, впрочем, не забывая, что мое мнение ничего для него стоит.

Невозможно долго быть дружелюбным с человеком, который отвечает тебе тотальным безразличием, однажды ты просто сдашься. Вот и мне пришлось смириться с реальностью. Это была просто работа и больше ничего. Вот почему я так усердно шла к тому, чтобы заняться наконец собственным делом и начать работать с людьми, которые смогут по достоинству оценить мой труд.

И все же я до сих пор не бросила работу, которая сводила меня с ума, откладывая собственные мечты на потом... потом, потом, потом.

Какого черта?

– Ты только себе делаешь хуже, – сказала Диана в последнюю нашу встречу. Перед этим она спросила, рассказала ли я наконец Эйдену о своем желании уволиться, на что пришлось ответить горькой правдой: нет.

От этих слов у меня сжался желудок. Я действительно вредила только себе. Я знала, что мне нужно поговорить с Эйденем. Никто не сделает этого за меня. Это я прекрасно знала. Но...

Никаких «но».

Что, если я рискну и прогорю? Я это предусмотрела и выстроила дела так, чтобы этого не случилось, напомнила я себе, наблюдая, как Эйден поглощает свой ланч. Я знаю, что делаю. У меня припасено немного денег. У меня хорошо получается то, чем я занимаюсь, и мне нравится эта работа.

Все будет хорошо.

Все будет хорошо.

Чего я ждала? Каждый раз, когда я готова была поговорить с Эйденем, момент оказывался неподходящий. Он только-только приступил к тренировкам после травмы, и я не хотела бросать Эйдена в такой трудный период. Затем мы отправились в Колорадо, чтобы Эйден мог тренироваться в тишине и спокойствии. Потом я решала подождать до пятницы. Или у Эйдена был неудачный день... Или... что угодно еще. Мне всегда что-то мешало. Всегда.

Я не торопилась уходить не потому, что была влюблена в своего босса или что-то в этом роде. Возможно, в самом начале я могла увлечься им, но его безразличие не позволяло моим чувствам развиваться. Не то чтобы я ждала, что Эйден вдруг посмотрит на меня и поймет, что такой, как я, ему не найти в целом мире. У меня не было времени на эту ерунду. Я просто хотела как можно лучше делать свою работу... и, может быть, заставить улыбнуться человека, который никогда не улыбался. Я справилась только с одной из этих задач.

Со временем мое влечение поутихло. Единственное, что я обожала – нет, ценила по достоинству, – это его деловую этику.

Его лицо.

Его тело.

Но в мире было полно парней с потрясающими лицами и телами. Уж я-то знала. Я смотрела на мужчин модельной внешности чуть ли не каждый день.

И их красота никак мне не помогала. Горячие парни не воплотят в жизнь мои мечты.

Я нервно сглотнула и сжала руки.

«Давай», – сказал мой мозг.

Что самое худшее может произойти? Мне придется искать новую работу, если моя клиентская база иссякнет? Ужас-то какой. Ты не узнаешь, пока не попробуешь.

Жизнь – это риск. А я всегда хотела отправиться в свободное плавание.

Набрав в грудь побольше воздуха, я внимательно посмотрела на человека, который два года был моим боссом, и сказала это.

– Эйден, мне нужно с тобой кое-что обсудить.

Потому что, ну правда, что он мне сделает? Откажется меня отпускать?

Глава 2

– Не может быть.

– Может, – спокойно сказала я, глядя на мужчину в экране моего ноутбука. – Эйден сказал предупредить тебя.

Тревор одарил меня взглядом, по которому я поняла, что он ни капли мне не верит, и я вдруг поняла, что мне плевать. Меня не просто было достать, но менеджера Эйдена я избегала как чуму. Было в нем что-то такое, от чего мне всегда хотелось оборвать наш разговор на полуслове. Я не раз пыталась понять, в чем причина, но в итоге все сводилось к одному: менеджер Эйдена – полный мудака.

Наклонившись вперед, Тревор уперся локтями в стол, сложил руки и закрыл ими рот. Выдохнул. Затем вдохнул.

Может быть, просто может быть, он вспомнил все те случаи, когда он вел себя со мной как придурок, и пожалел об этом – как и о том, что он ругал меня или орал на меня из-за того, что Эйден принял решение, которое не устраивало его менеджера. Как это бывало чуть ли не каждую неделю.

Впрочем, я ведь его знала. Если бы он сожалел о чем-то, это значило бы, что ему это небезразлично, а Тревога заботила только его зарплата. Еще на собеседовании по его тону и жестам стало понятно, что он меня ни во что не ставит.

Просто мой уход на время осложнит его жизнь, и Тревору это не нравится.

Его мое заявление явно огорчило куда больше, чем Эйдена, которому я вчера открыла то, что хранила в глубокой мрачной тайне так долго.

– Хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал...

Да, это было довольно подхалимски. На самом деле единственное, что он для меня делал – платил мне. Ну да ладно.

– ... но тебе стоит найти кого-то на мое место.

Я осознавала, мы с Эйденем не друзья, но я была достаточно глупа, чтобы думать, что я хоть чуть-чуть, хоть немножечко важна ему. Я много чего делала для Эйдена, пока работала на него. Я знала, что буду немного скучать по нему и нашей привычной рутине. Разве он не должен был чувствовать то же самое?

Разумеется, нет.

Эйден даже не удосужился взглянуть на меня. Глядя в свою тарелку, он сказал будничным голосом:

– Сообщи Тревору.

И на этом все.

Два года. Я отдала ему два года своей жизни. Долгие- долгие часы. Месяцы, которые я могла посвятить своим любимым. Я заботилась о нем в тех редких случаях, когда он простывал. Я осталась с ним в больнице, когда он получил травму. Я забрала его оттуда после операции, читала о воспалении и о диете, которая поможет ему быстрее выздороветь.

Когда его команда проигрывала, я всегда готовила наутро его любимый завтрак. Покупала ему подарки на день рождения и, возможно, даже оставляла их на его кровати, чтобы не создавать неловкую ситуацию. Нельзя ведь не поздравить человека с днем рождения, даже если он никогда не благодарит тебя за это.

Какие подарки я получила от Эйдена? Свой прошлый день рождения я провела под дождем в парке в Колорадо. Эйден снимался в рекламном ролике и хотел, чтобы я поехала с ним. Ужинала я в полном одиночестве в гостиничном номере. Так чего я ждала от него теперь?

Он не попросил меня остаться – хотя не то чтобы я согласилась бы – и даже не сказал дежурное «мне очень жаль», которое я получала в ответ на всех моих прошлых работах.

Никак. Он никак не отреагировал. Даже плечами не пожал.

Это задело меня сильнее, чем должно было. Гораздо сильнее. С другой стороны, я знала, что мы не были близки, и теперь это стало слишком очевидно.

С легкой горечью от ощущения своей ненужности я вновь сосредоточилась на видеочате.

– Ванесса, подумай о том, что ты делаешь, – воззвал ко мне менеджер с экрана ноутбука.

– Уже подумала. Слушай, это даже не уведомление за две недели. Просто найди кого-нибудь поскорее. Я объясню все новому человеку и уйду.

Тревор наклонил голову и пустым взглядом уставился куда-то вперед, смотря сквозь экран; жирный гель для волос, которым он пользовался, блестел на солнце, проникавшем в его офис.

– Это что, первоапрельская шутка?

– Сейчас июнь, – сказала я аккуратно. Идиот. – Я просто больше не хочу этим заниматься.

Тревор резко нахмурил брови и напряг плечи, как будто только сейчас мои слова достигли его сознания.

– Хочешь прибавку? – хватило у него наглости спросить.

Конечно, я хотела больше денег. А кто не хочет? Просто не от Эйдена.

– Нет.

– Скажи, чего ты хочешь.

– Ничего.

– Слушай, я пытаюсь разругать ситуацию.

– Тут нечего разругивать. Ничто не заставит меня остаться.

Вот насколько я хотела сбежать из мира Виннипегской Стены. Тревору платили за то, что он добивался своего, и я знала: дай ему палец, и он тут же отхватит всю руку. Наверняка ему проще уговорить меня остаться, чем искать замену. Но я знала его уловки и не собиралась выслушивать все его дерьмо.

Взяв стакан с водой, стоявший на кухонном столе рядом с моим планшетом, я сделала глоток и внимательно посмотрела на него. Я смогу это сделать, черт возьми. Я сделаю это. Я не собираюсь оставаться на этой работе только потому, что он смотрит на меня сейчас максимально щенячьими глазами, на которые только может быть способно истинное зло.

– Что мне сделать, чтобы ты осталась? – наконец спросил Тревор, убрав руки от лица.

– Ничего.

Если до сих пор капля преданности Эйденоу и искреннее беспокойство о нем удерживали меня, то вчерашний вечер укрепил мою решимость уйти.

Я больше не буду тратить на это свое время.

Тревор поморщился, будто от приступа боли. Когда мы впервые встретились два года назад, у него было всего пара седых волос. За это время седины у него прибавилось, и это было легко объяснить. Если я считалась феей-крестной, то Тревор, должно быть, был богом; богом, который должен был творить чудеса в самых безнадежных ситуациях.

А теперь я уходила от – наверняка – одного из самых трудных его клиентов.

– Он что-то не то сказал? – внезапно спросил Тревор. – Или сделал?

Я покачала головой. Ему меня не обмануть. Я прекрасно знала, что ему все равно. Прежде чем попросить его о созвоне – а именно он настоял сделать это по видеосвязи, – я спросила себя, рассказывать ли ему о причине увольнения. На принятие решения ушло меньше секунды. Нет, ему не стоило знать.

– Я хочу жить своей жизнью, вот и все.

– Ты же знаешь, что он переживает из-за возвращения в игру после операции. Если он резковат, это нормально. Не обращай внимания.

Нормально? У каждого свои представления о том, что считать «нормальным» при общении с профессиональными спортсменами, особенно с такими, как Эйден, который жил и

дышал спортом. Он был для него очень личным делом. Эйден играл не потому, что не знал, что еще делать со своей жизнью, и не потому, что хотел заработать денег. Возможно, я понимала это лучше, чем Тревор.

К тому же, если у кого-то из нас и было больше опыта в обращении с Эйденом после разрыва ахиллова сухожилия, так это у меня. Я была непосредственным свидетелем. И я знала, каким он становится перед началом сборов, которые уже были на носу, только добавляя Эйдену стресса. Тревор работал на него дольше меня, но жил в Нью-Йорке и приезжал всего пару раз в год. Эйден звонил ему от силы раз в месяц, ведь обычно я принимала на себя удар.

– Я уверена, найдутся сотни людей, которые будут счастливы работать на Эйдена. Ты легко найдешь мне замену. Все будет хорошо, – сказала я ему в утешение.

Есть ли в мире хотя бы тысяча человек, которые захотят работать на Эйдена? Конечно. И даже больше.

Будут ли у Тревора проблемы с поиском нового помощника для Эйдена? Нет. Проблема – найти того, кто готов терпеть сверхурочную работу и колючий характер Эйдена.

«Это трудная работа, – сказал мне Тревор во время собеседования. – Спортсмены привередливые. Терпеть их – это, по сути, часть рабочих обязанностей. Ты справишься?»

Тогда я вкалывала на трех работах и жила в крошечном доме с Дианой и Родриго. Иногда я не спала ночами, думая об огромном студенческом кредите, который висел на мне мертвым грузом. И я готова была на что угодно, лишь бы выбраться из этого положения, даже если это означало иметь дело с кем-то, кто мог оказаться и не таким психом, каким его описывали.

Впрочем, Тревор не обманул – Эйден был не так плох, если разобраться, что его раздражает, – и хотя бы честно предупредил, с чем мне предстоит столкнуться.

Трудоголик и перфекционист, требовательный, капризный, высокомерный, недружелюбный, помешанный на чистоте босс.

Ничего сверхъестественного.

Эйдену Грейвсу требовался помощник, и мне повезло получить эту работу.

В тот момент у меня был план, из-за которого я ужасно переживала, и студенческий кредит, от которого у меня сводило желудок. Я обдумала это со всех сторон и решила, что это мой лучший вариант – работать на Эйдена и одновременно заниматься собственным бизнесом и развивать его.

Остальное вам известно.

Тотальная экономия и работа по семьдесят часов в неделю принесли свои плоды. Я накопила достаточно, чтобы удержаться на плаву, если что-то пойдет не так. И у меня были цели, к которым я шла. Именно эти цели и надежда поддерживали меня, когда что-то не складывалось.

Так что даже в те дни, когда я представляла, как втыкаю Эйдену нож в спину из-за его идиотских требований – например, перестирать постельное белье, которое слишком долго пролежало в машинке, – я покорно делала то, что от меня требовалось. Достаточно было вспомнить про студенческий кредит, чтобы вытерпеть что угодно.

До сих пор.

– Ты убиваешь меня, Ванесса. Черт, ты меня убиваешь, – простонал Тревор.

Простонал. Обычно он только жаловался да явил.

– Все будет хорошо. Эйдену плевать, что я ухожу. Он этого даже не заметит, – сказала я, постаравшись проявить немного понимания, но в то же время несколько не беспокоясь из-за его стресса.

От гримасы страдания на лице Тревора не осталось и следа. Теперь он смотрел на меня хорошо знакомым мне свирепым взглядом.

– Сомневаюсь, – отрезал он.

Я понимала, почему хорошо подхожу Эйдену. Я была очень терпеливой и не обижалась на его холодность и придирки. Я знала, как вести себя с ненормальными, – спасибо за это

моей семье. И, возможно, я ждала, что Эйден будет вести себя гораздо хуже, а он никогда не позволял себе срывов. Для этого он слишком хорошо себя контролировал.

Но на самом деле я не особенно переживала из-за своего ухода, особенно после вчерашнего. Наверное, это было бы неприятно, если бы мы с Эйденем были друзьями или если бы Тревор был добр ко мне. Но я знала, что они даже не вспомнят обо мне через пару месяцев. Я хорошо понимала, кто заботится обо мне и что-то для меня значит, и ни один из них не входил в этот список... и, конечно, это заставляло меня испытывать неловкость. Но выживают сильнейшие и все такое, так ведь?

И Эйден, и Тревор бросили бы меня не задумываясь, будь они на моем месте. Своими сомнениями, неуверенностью в себе и ошибочной лояльностью я загнала себя в клетку «не так уж и плохо».

Эйденому нужен был человек, который будет убирать, стирать, готовить, отвечать на электронную почту, публиковать посты на Фейсбуке, в Твиттере и Инстаграме, звонить Робу и Тревору, когда ему что-то нужно было от них. И еще выполнять кое-какие поручения, когда он путешествовал. Вот, собственно, и все.

Любой, у кого есть немного терпения, справится с этим.

Но Тревор, судя по всему, так не думал. Кажется, ему просто было лень. Он громко выдохнул и начал массировать виски, когда связь прервалась и его изображение на мгновение стало нечетким.

– Ты уверена, что хочешь уйти? Я могу поговорить с Эйденем, чтобы он сократил твои рабочие часы.

Даже несмотря на то, что картинка зависла, его голос был слышен.

Я едва не сказала что-то вроде «дай мне подумать».

– Уверена.

Нельзя упускать эту возможность отправиться в одиночное плавание. Я спугну удачу, если буду медлить и сомневаться.

– Ванесса, – снова простонал он. – Ты и правда собираешься это сделать?

Именно к этому я стремилась с тех пор, как получила диплом графического дизайнера. Высшее образование далось мне непросто, и я делала ужасные вещи, пытаясь закончить учебу. Ради независимости я работала в нескольких местах одновременно, спала по четыре часа в сутки и старалась тратить на себя как можно меньше. Я бралась за любую работу, какую только можно было найти. Оформляла обложки для книг, баннеры, плакаты, визитные карточки, открытки. Делала эскизы тату. Придумывала дизайн футболок. Что угодно.

– Правда.

Я едва не улыбнулась, услышав в своем голосе уверенность, которой я на самом деле совсем не чувствовала.

– Если ты и дальше будешь так себя вести, мне придется найти тебе замену, – тяжело вздохнул Тревор, массируя виски.

Я кивнула, и от ощущения этой неуверенной победы у меня защекотало в горле. Я не позволю этому остроумному комментарию задеть меня. Да, я и дальше буду так себя вести.

Тревор махнул рукой на экран.

– Я дам тебе знать, как только кого-нибудь найду.

И он бесцеремонно отключился. Он напомнил мне кое-кого своим отсутствием манер. Если бы не Зак и еще несколько парней из «Трех сотен», я бы решила, что все люди в футбольной сфере – грубияны. Но нет, просто такими были именно те несколько человек, с которыми мне приходилось работать. Ну как так?

Впрочем, это больше не моя проблема, верно?

– Ванесса! – проревел откуда-то сверху знакомый голос.

– Что? – крикнула я, закрывая видеочат. Интересно, он подслушивал мой разговор с Тревором? Ну то есть, он ведь сам сказал в первую очередь позвонить ему, так что...?

– Ты постирала белье? – раздался вопль примерно из спальни Эйдена.

Я стирала его постельное белье по понедельникам, средам и пятницам. Каждую неделю с тех пор, как меня наняли. Для парня, который тренировался чуть ли не каждую минуту своей жизни и потел почти так же, как дышал, Эйден был просто помешан на чистоте. Я сразу поняла, насколько ему важно, чтобы его чертовы простыни были чистыми, и всегда вовремя стирала белье.

– Да, – ответила я.

– Сегодня?

– Да.

Какого черта он об этом спрашивал? Я всегда... *а-а*. Я всегда оставляла на подушке пару мятных конфеток, которые он любил, – просто забавы ради. А сегодня не положила. Их не было в магазине. Вот почему он спросил. Я сама виновата, что избаловала его. Эйден никогда не показывал, что замечает мои маленькие подарки, и я думала, ему все равно. Видимо, нет.

Он не ответил, и я уже представила, как он неуверенно бормочет себе под нос, прежде чем понюхать простыни, чтобы убедиться, что я говорю правду. Он долго молчал, и я решила, что он понял, что я не врал. Но тут он снова закричал:

– Ты забрала мою одежду из химчистки?

– Да. Она в шкафу.

Я не поморщилась, не закатила глаза, не разозлилась. У меня было самообладание самурая. Самурая, который мечтает стать воином.

Едва я убрала ноутбук в сумку, как он снова закричал:

– Где мои оранжевые кроссовки?

На этот раз я не удержалась и закатила глаза. Это напомнило мне, как в детстве я просила маму о помощи, когда не могла найти что-то дольше пяти секунд. Кроссовки были ровно там, где он их оставил.

– В ванной.

Я услышала, как наверху начали двигаться. Зак еще не вернулся в Даллас, так что это мог быть только здоровяк, искавший свои кроссовки. Я редко прикасалась к его кроссовкам без надобности. Не то чтобы его ноги воняли – на удивление это было совсем не так, – но они действительно потели, и я имею в виду, очень сильно потели. Последние два месяца он так усердно тренировался, что степень пота достигла небывалых масштабов. Мои пальцы старались даже не приближаться к обуви, если это было возможно.

Я как раз пролистывала кулинарную книгу, пытаюсь решить, что приготовить на ужин, когда лестница затряслась под стотридцатикилограммовым парнем, сбегавшим по ней вниз. Нет, серьезно, если он шел по ней не в темпе черепахи, в доме дрожали стены. Непонятно, как лестница вообще его выдерживала, похоже, ее строили на века.

Даже не оглядываясь, я знала, что он шел на кухню. Хлопнула дверца холодильника, и я услышала, как он принялся что-то жевать.

– Купи мне крем от загара, – обронил он. – Мой почти закончился.

Я уже заказала крем пару дней назад. В интернете он стоил дешевле, чем в магазине, но объяснять это Эйдену не было никакого смысла.

– Принято, здоровяк. Еще я сегодня завезу швее твои шорты. Я заметила при стирке, что у них расходятся швы.

Примерно половина одежды Эйдена была сшита на заказ, потому что размер «для бегемота» редко встречается в магазинах. И я была не в восторге от сшитых на заказ шорт, которые уже нуждались в починке.

– У меня сегодня тренировка, – сказал он, держа в одной руке грушу, которую ел, и пару яблок в другой. – Есть что-нибудь, что я должен узнать до того, как уйду?

Поигрывая дужкой очков, я пыталась вспомнить, что хотела сказать ему.

– Утром я оставила на твоём столе несколько конвертов. Не знаю, видел ли ты их, но, похоже, это что-то важное.

Судя по его красивому, крупному лицу, он задумался. Затем кивнул.

– Роб уже отменил встречу с фанатами?

Я едва не поморщилась, вспомнив разговор с его агентом, ещё одним козлом, которого я терпеть не могла. Я не удивилась бы, если бы узнала, что его не любит его собственная мать, такой он был урод.

– Я сказала ему, но он не перезвонил. Я выясню, получилось ли.

Он снова кивнул и нагнулся со своей двухметровой высоты, чтобы поднять с пола спортивную сумку.

– Обязательно выясни, – он сделал небольшую паузу. – В этом месяце день рождения Лесли. Отправишь ему подарок и открытку?

– Ваше желание для меня закон.

За все то время, что я работала на Эйдена, только Лесли получал от него поздравления. Даже Заку он ничего не дарил – я это точно знала, потому что этот подарок покупала бы я.

– Ах да, я приготовила твои любимые батончики с гранолой, если захочешь взять их с собой, – добавила я, указывая на пластиковый контейнер, оставленный возле холодильника.

Он последовал туда, открыл контейнер и вытащил два батончика, завернутых в пергаментную бумагу, после чего кинул перекус в спортивную сумку.

– Приезжай завтра утром в спортзал с камерой и завтраком. Я рано уеду и вернусь только к обеду.

– Хорошо.

Надо будет поставить будильник на полчаса раньше. В межсезонье Эйден обычно делал дома кардиотренировку, потом завтракал и отправлялся в зал тягать вес и заниматься с тренером, которого он посчитает достойным себя. Но иногда он вставал раньше и сразу ехал в зал.

Зал находился на противоположном конце города, так что мне либо придется готовить завтрак у себя дома и ехать напрямик туда, либо просыпаться ещё раньше, чтобы заехать к нему, что было совсем не по пути, а уже после направляться в зал. Нет уж, увольте. Я еле-еле выживала на своих привычных четырех-пяти часах сна. Я не собиралась терять то малое, что у меня оставалось.

Встав из-за стола, я взяла бутылку с водой, которую подготовила заранее, и протянула ее Эйдену. Мой взгляд остановился на его мощной шее, прежде чем я заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Кстати, я поговорила с Тревором насчет ухода, и он сказал, что найдет мне замену.

На долю секунды его темные глаза, как всегда холодные и безразличные, встретились с моими, а затем он отвел взгляд.

– Хорошо, – кивнул он, убирая воду в сумку.

– Пока, – крикнула я, когда он подошел к двери в гараж.

Он ничего не ответил и закрыл за собой дверь, но мне как будто показалось, что Эйден слегка шевельнул пальцем или даже двумя.

Кого я обманываю? Надо быть полной дурой, чтобы хотя бы допустить, что такое возможно. Я не самый приветливый человек на свете, но Эйден обошел меня по всем статьям.

Смирненно вздохнув, я пересекла кухню, и тут зазвонил мой личный телефон. Быстро взглянув на экран, я приняла вызов.

– Привет! – сказала я, зажимая телефон между ухом и плечом.

– Вэнни, у меня совсем нет времени. У меня клиент буквально через минуту, – быстро объяснил бодрый голос на другом конце провода. – Просто хотела сказать, что Родриго видел Сьюзи.

Повисла тишина, тяжелая и неловкая. Впрочем, как раз это получалось у Сьюзи лучше всего – все портить.

Я хотела спросить, уверен ли Родриго, что это была именно Сьюзи, но передумала. У нее было лицо, которое трудно не узнать даже после стольких лет.

Я нервно откашлялась, пытаюсь убедить себя, что мне не нужно считать до десяти или хотя бы до пяти.

– Где? – мой голос прозвучал хрипло.

– Вчера в Эль-Пасо. Он приезжал на выходные к родственникам жены с Луи и Джошем и видел Сьюзи в продуктовом в нашем старом районе.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Нет, этого не хватило.

Пришлось считать заново, в этот раз до десяти. Тысяча мыслей разом промелькнули у меня в голове, когда прозвучало имя Сьюзи, одна хуже другой. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что она там делала. Только один человек из нашего общего прошлого до сих пор жил там. Я все еще отчетливо помнила наш старый вытоптанный дворик.

Там я и познакомилась с Дианой. Когда я жила со своей родной матерью, Диана и ее семья были нашими соседями. У них был такой красивый дом – свежеевыкрашенный в синий цвет с белой отделкой, приятная лужайка. Папа играл с детьми на улице, мама целовала их синяки и ссадины. Касильясы были семьей, о которой я всегда мечтала в детстве. Особенно когда дела шли совсем плохо, и единственным моим утешением был блокнот, а не семья.

Диана была моей лучшей подругой, сколько я себя помню. Не сосчитать, сколько раз мы с моим младшим братом ужинали в их доме, пока маму не лишили родительских прав. Диана всегда заботилась обо мне – чего никогда не делала моя семья. Это она нашла меня, когда... *Хватит. Хватит.* Оно того не стоило – тратить время и силы на то, что осталось в прошлом. Оно правда того не стоило.

– Надо же. Понятия не имела, что она вернулась, – сказала я голосом робота. Так же звучал мой внутренний голос. – Я разговаривала с мамой неделю назад, и она ничего не сказала.

При упоминании моей родной матери Диана еле слышно хмыкнула. Для нее было загадкой, почему я поддерживаю отношения с этой женщиной. Честно говоря, мне не раз приходилось жалеть об этом, но Диане – самому близкому человеку – я ничего не говорила. Я знала, что она скажет, и просто не хотела этого слышать.

– Я подумала, тебе лучше знать. На случай, если ты решишь зайти в гости, – наконец пробормотала она.

Я нечасто приезжала в Эль-Пасо, но Диана была права. Я определенно не хотела ехать туда теперь, когда знала, кто там был.

– Ладно, Вэнни, мне правда пора, – быстро добавила моя лучшая подруга. – Скажи только, *ты уже сообщила Миранде, что уходишь?*

Я так давно называла своего босса Мирандой, что даже не обращала на это особого внимания.

– Только вчера.

– И?..

Она не могла позволить мне спокойно прозябать в своем личном мирке.

– И ничего.

Не было смысла врать и делать вид, будто я что-то значу для Эйдена. Я ничего не рассказывала о нем из-за договора о неразглашении, который подписала, когда только начала рабо-

тать. Но Диана знала достаточно, чтобы понимать, почему Эйден записан в моем телефоне под именем Миранды Пристли из «Дьявол носит Prada».

– О-о, – разочарованно выдохнула она.

Ага. Я тоже так думала.

– Он будет скучать по тебе, когда ты уйдешь. Вот увидишь.

В этом я сильно сомневалась.

– Ладно, моя клиентка уже здесь. Перезвони мне, Вэн-Вэн. Я освобожусь в девять.

– Конечно. Люблю тебя.

– И я тебя. Кстати! Подумай о том, чтобы я покрасила тебе волосы, когда ты наконец выберешься оттуда, – сказала она и положила трубку.

Последняя ее фраза заставила меня рассмеяться. Все еще улыбаясь, я прошла в офис Эйдена, чтобы разобраться с его почтой. Разговоры с Дианой всегда поднимали мне настроение. Тот факт, что она была одним из самых беззаботных людей, которых я когда-либо встречала, чаще всего помогал мне успокоиться. И она никогда не отчитывала меня за то, что я слишком много работаю, потому что сама трудилась с утра до вечера.

Я говорила ей то же, что сказал мне мой приемный отец, когда я в семнадцать поделилась с ним, что хотела бы уйти в творчество: «Занимайся тем, что делает тебя счастливой, Ваннэ. Никто не позаботится о тебе, кроме тебя самой».

Этим я руководствовалась, когда объявила приемным родителям, что пойду в университет за полторы тысячи километров от дома. Это я говорила себе, когда не получила стипендию, а моя льгота оказалась лишь каплей в море. Я не собиралась отступать от своей цели, несмотря на то что пришлось расстаться с младшим братом – с его благословения. И я сказала то же самое уже ему, когда он получил стипендию для обучения в колледже сразу после того, как я вернулась в Техас, чтобы быть ближе к нему.

Иногда давать советы гораздо легче, чем следовать собственным заповедям.

В этом и была суть моих проблем. Я боялась. Боялась, что клиенты уйдут и у меня не будет работы. Боялась, что мое вдохновение вдруг исчезнет навсегда и я не смогу заниматься дизайном. Боялась, что дело, ради которого я совершила столько усилий, прогорит и все пойдет к черту. Я не понаслышке знала, что иногда жизнь ведет тебя в одну сторону, а в следующий момент уже в совершенно другую.

Неожиданности так и устроены, что их невозможно предугадать. Они не встраиваются в твой график и не сообщают о себе заранее.

Глава 3

«Как же здесь воняет потом», – подумала я, шагая мимо кардиотренажеров в зале, где Эйден тренировался с тех пор, как мы вернулись из Колорадо.

Комплекс, расположенный среди коммерческих складов на окраине Далласа, был оборудован для занятий тяжелой атлетикой, художественной гимнастикой, силовым экстримом, плиометрикой, пауэрлифтингом и много чем еще. Само здание было малоприметным, и его трудно было найти, если ты не знал, что искал. Комплекс работал всего три года, и его владелец вложил кучу денег в каждый его миллиметр. Он делал себе рекламу на том, что здесь тренировались звезды мирового уровня в самых разных видах спорта, но мне был нужен лишь один из них.

За те два года, что я провела с Эйденом, его график не менялся настолько, насколько это было возможно, учитывая все, что произошло с ним в последние десять месяцев. После окончания сезона, как только ему разрешили тренироваться, он уехал в маленький городок в Колорадо, где снял на два месяца дом у какой-то бывшей футбольной звезды. Там он занимался со своим школьным футбольным тренером. Я никогда не спрашивала, почему он выбрал это забытое богом место. Думаю, ему хотелось скрыться от всеобщего внимания. Вокруг него, одного из лучших игроков НФЛ, всегда крутились какие-то люди – о чем-то просили, что-то советовали. А Эйден был не самым общительным и дружелюбным человеком.

Он был одиночкой, но невероятный успех в спорте буквально обрек его на внимание публики и журналистов, которое было приковано к нему с тех пор, как его взяли в команду. Это я узнала из бесчисленных статей, которые я читала, прежде чем опубликовать их на его страницах в соцсетях, и из сотен интервью с ним, которые я прослушала. Ему пришлось смириться с этим по мере того, как он остановился лучшим в своем деле – именно таковым его считали фанаты, и даже те, кто не был его большим поклонником.

После двух месяцев затворничества в глуши – я поехала с ним, потому что он, очевидно, не мог обойтись без шеф-повара и домработницы – он, вернее, мы улетели обратно в Даллас, а школьный тренер Эйдена вернулся в Виннипег. В Далласе Эйден работал с другим наставником, пока в июле «Три сотни» не вызвали игроков в тренировочный лагерь.

Через пару недель начнутся официальные тренировки, а вместе с ними и все то безумие, которое окружает Футбольную лигу с ее прославленными игроками. Но это будет уже не мое дело. Мне не придется вставать в четыре утра или разъезжать по городу как ненормальная, выполняя сотни дел, пока Эйден занят.

В августе я не буду планировать питание на период двух тренировок за день и предсезонных игр. Я буду дома, просыпаться, когда, черт возьми, я захочу, и заниматься своими потребностями, а не чьими-то еще.

Но этому я буду радоваться позже. Сейчас мне нужно было найти Эйдена, и у меня в руках была куча вещей.

За залом с кардиотренажерами располагалась главная тренировочная площадка, крупнейшее помещение площадью около тысячи квадратных метров в красно-черных тонах. Одна половина площадки была покрыта чем-то вроде дерна, другая – мягким черным настилом для силовых тренировок. В шесть утра здесь было, может, человек десять. Футболисты и какие-то другие спортсмены.

Мне просто нужно было найти самого крупного. Я сразу заметила Эйдена, стоящего возле пятисоткилограммовой шины. Да, пятисоткилограммовой.

А я думала, что крутая, когда за раз заносила в дом все покупки.

Позади стоял смутно знакомый мне мужчина и наблюдал за Виннипегской Стеной. Я села, скрестив ноги, на маты чуть в сторонке, но все же достаточно близко, чтобы сделать при-

личный снимок, и достала из сумки зеркальную камеру, которую предложила ему купить год назад как раз для этих целей. В мои обязанности входило регулярное обновление его страниц в соцсетях, и я знала, что его спонсоры и фанаты просто обожают живые фотографии с его тренировок.

Никто не обратил на меня никакого внимания, пока я занимала удобное место; все были слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам. Достав технику из сумки, я стала ждать момента для идеального снимка.

В объективе камеры лицо Эйдена было меньше, и мышцы выглядели не такими рельефными. Последние две недели он ел меньше, чтобы сбросить несколько килограммов к началу сезона. Вот он присел перед тракторной шиной, и плечи и ноги будто раздулись и выглядели еще более впечатляюще, чем обычно, и я даже видела борозды на задней поверхности его бедер – такие они были мощные.

Многие считали, что такие мышцы у Эйдена благодаря стероидам, но я знала, что его тело держалось исключительно на огромных объемах растительной пищи. Он не принимал даже те лекарства, которые можно купить без рецепта. Когда этот упрямый осел болел в последний раз, он отказался от прописанных доктором антибиотиков. И я не стала даже заморачиваться с рецептом на обезболивающие, которые ему выписали после операции, – может, это без них он был таким сварливым. Что уж говорить о том, что он избегал любых консервантов, парабенов и жестких сульфатов.

Стероиды? Ага, конечно.

Я сделала несколько снимков, пытаюсь поймать удачный момент. Поклонницы Эйдена буквально сходили с ума от фото, которые демонстрировали силу, заключенную в этом великолепном теле. А когда он тренировался в узких компрессионных шортах? «БАМ! Я ЗАЛЕТЕЛА», – написала его фанатка на прошлой неделе под фото, на котором Эйден делал приседания. Я едва не подавилась.

После этих постов его имейл оказался переполнен. Фанатки получили то, что хотели, и Эйден был абсолютно не против. К счастью для него, в перерывах между семестрами я посещала курсы фотографии в местном колледже в надежде летом получить несколько заказов на съемку свадеб.

Шина начала подниматься. Лицо Эйдена исказилось от напряжения, пот стекал по его вискам, вдоль толстой белой полоски шрама, тянущегося к подбородку. Пару раз люди обсуждали его шрам при мне, думая, что я их не слышу. Они считали, что это след какой-нибудь пьяной ночи в колледже.

Как бы не так.

Через объектив я увидела, как Эйден поморщился. Его тренер подгонял его, не сходя с места. Я сделала еще несколько снимков, подавив сонный зев.

– Привет, – шепнул голос мне на ухо. Он был слишком близко.

Я застыла. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это. В окружении Эйдена был только один человек, при виде которого мне хотелось бежать.

Я чуть не вздрогнула и сказала себе: «Надеюсь, это последний раз, когда я его вижу».

Интуиция подсказывала мне, что, если я выдам свою неприязнь к нему, станет только хуже. И я точно не стала бы говорить Эйдену, что у меня мурашки по коже от его товарища по команде. Если уж я не сказала Заку, своему другу, что Кристиан меня напрягает, то с чего бы говорить об этом человеку, с которым у меня нет близких отношений. Но это было правдой. Я занималась своими делами, когда появлялась на мероприятиях, связанных с «Тремя сотнями», и старалась быть милой или, по крайней мере, вежливой с теми, кто был добр ко мне. Тревор еще во время собеседования четко вбил мне в голову, что меня не должно быть видно или слышно. Все внимание должно быть приковано к большому парню, а не к какой-то чокнутой ассистентке, и меня это полностью устраивало.

Я натянула на лицо вымученную улыбку и сказала, не поворачивая головы:

– Привет, Кристиан.

Мне пришлось постараться, чтобы извлечь из себя этот дружелюбный тон. Легко было игнорировать его привлекательную внешность, когда я знала, что за ней кроется человек, которого в прошлом сезоне дисквалифицировали на несколько игр за пьяную драку в баре. Это многое говорило о нем, потому что кто вообще станет вытворять такое? Он зарабатывает миллионы в год. Только полный идиот может поставить это под угрозу.

– Рад тебя видеть, – сказал псих Кристиан.

Я едва не застонала. Понятия не имела, что он тренируется там же, где и Эйден. Думаю, Эйден тоже об этом не знал, и едва ли это его интересовало.

– Фотографируешь Грейвса? – спросил он, садясь на пол рядом со мной.

Я поднесла камеру к лицу в надежде, что Кристиан поймет, как я занята.

– Да.

Кого еще я могла бы фотографировать? Я сделала еще пару снимков, как Эйден переворачивает шину и после каждого раза вновь приседает с широко расставленными ногами.

– Как поживаешь? Мы давно не виделись.

– Хорошо.

Слишком грубо? Да, но я не могла найти в себе силы быть более дружелюбной с ним после того, что он сделал. К тому же он прекрасно знал, как долго отсутствовал Эйден. Он был звездным игроком. После травмы кто-то из команды всегда поддерживал с ним связь. Кристиан никак не мог быть не в курсе жизни Эйдена. Мне даже казалось, что каждый раз, когда я включала канал о спорте, тот или иной ведущий обсуждал будущее Эйдена.

Жар, исходящий от него, обжег мое плечо.

– Грейвс, конечно, быстренько встал на ноги.

Через объектив я увидела, что Эйден сердито смотрит в мою сторону, а его тренер в сторонке делает пометки в своем блокноте. Я не знала, помахать Эйдену рукой или подойти, но он меня опередил.

– Свободна, – громко сказал он.

Я... что?

Опустив камеру, я уставилась на него, указательным пальцем прижав очки ближе к лицу. Может, я ослышалась?

– Что ты сказал? – медленно произнесла я.

– Свободна, – повторил он, даже не моргнув.

Свободна.

Я вытаращила на него глаза. Сердце бешено заколотилось. Я резко вдохнула.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

«Убей их своей добротой», – говорила мама Дианы, когда я жаловалась на придирки сестер. Тогда я не придавала значения ее словам, но с годами – когда я стала достаточно взрослой, чтобы мириться с выходками других людей, – они обрели для меня смысл.

Улыбка в ответ и правда раздражает идиотов сильнее, чем грубость.

Хотя в некоторых случаях люди могут подумать, что ты больной на голову, но я готова была пойти на этот риск.

Но в этот момент мне пришлось собрать всю свою выдержку, чтобы не послать Эйдена.

Одно дело, что он игнорировал меня, когда я пыталась быть шутливой или говорила ему «доброе утро» или «пока», но когда он вел себя так прилюдно? Конечно, он и в лучшие дни не был плюшевым мишкой, но обычно он не вел себя как победитель премии «Мразь года». По крайней мере, не при других людях.

Раз, два, три, четыре, пять. Я взяла себя в руки.

Я взглянула на него с широкой улыбкой, будто ничего не случилось, хотя внутри я кипела от негодования и размышляла, как устроить ему приступ поноса.

– Что с ним, черт возьми, такое? – пробормотал Кристиан, пока я укладывала камеру в футляр, а потом в сумку.

Я не могла определиться, стоит ли мне как можно быстрее уйти или остаться на месте, потому что он точно не в своем уме, если решил, что я собираюсь выполнять его приказы, отданные в подобном тоне.

Напоминание о том, что мне больше не нужно терпеть его выходки, резко отдалось в области лба и между лопатками. Я могла смириться с его отстраненностью и холодностью. Я могла смириться с тем, что ему наплевать на мои чувства, но вот так вот ставить меня в неловкое положение на виду у других людей? У степени моего всепрощения тоже был предел.

Один, два, три, четыре, пять, шесть.

– Он всегда такой? – Вопрос Кристиана вырвал меня из моих мыслей.

Я пожала плечами, потому что не собиралась перебивать Эйдену косточки с практически незнакомым мне человеком, хотя сейчас здоровяк точно не относился к тем людям, ради которых я вошла бы в горящее здание.

– Эйден – хороший босс, – я вытянула из себя осторожный комплимент, вставая на ноги. – Я не принимаю это на свой счет.

Обычно.

– В любом случае мне пора. До встречи.

Я перекинула через плечо ремень сумки и взяла пакет с завтраком для Эйдена.

– До скорой встречи, – ответил Кристиан неестественно веселым голосом.

Я кивнула и тут же заметила, что Эйден встал на колени с совершенно бесстрастным выражением лица. Стараясь справиться с раздражением из-за того, что он практически приказал мне убираться, я встала с другой стороны крыши. Эйден вспотел, футболка прилипла к нему как вторая, более бледная, кожа. Он выглядел замкнутым, почти скупающим – его нормальное состояние.

Я постаралась сделать так, чтобы сердце не стучало, а голос не дрожал. Замешательство, гнев и, честно говоря, небольшая обида комом застряли в горле, пока я наблюдала за ним.

– Что-то случилось? – спросила я, постукивая пальцами по шву сумки.

– Нет, – ответил он резко, будто я предложила ему добавить в еду укропа.

Я откашлялась и потерла рукой шов своих брюк, считая до трех.

– Ты уверен?

– А почему что-то должно быть не так?

Потому что ты ведешь себя как полный придурок, подумала я.

Но прежде чем я придумала нормальный ответ, он продолжил:

– Я плачу тебе не за то, чтобы ты сидела и болтала.

О нет.

Эйден наклонился вперед в глубокой растяжке.

– Ты принесла мой завтрак?

Я старалась быть терпеливой. Я правда старалась. В целом я была образцом выдержки. А как иначе, когда растешь в семье с тремя старшими сестрами, которые не уважают чужие личные границы, и младшим братом. Мои чувства не так-то легко было задеть, и я почти никогда не обижалась на брата или сестер, когда они говорили что-то, чего на самом деле не имели в виду.

Проблема в том, что Эйден не был моим братом. Он даже не был моим другом.

Я многое могла стерпеть, но не обязана была терпеть его.

В этот момент я поняла, насколько устала от всей этой хренотени. С меня хватит. Все.

Может, я и боялась увольняться, но лучше рискнуть всем, чем остаться на этой должности и выслушивать оскорбления от кого-то, кто был ничем не лучше меня.

Спокойно, спокойно, спокойно. Несмотря на то, что от гнева у меня звенело в ушах, я заставила себя сосредоточиться на его вопросе.

– Да, – холодно ответила я и подняла пакет, который он должен был заметить, когда я подошла.

Эйден хмыкнул.

Как бы меня ни восхищала его решимость, целеустремленность и последовательность, иногда... Меня раздражало, насколько слеп он был ко всему остальному. Сколько я ни старалась, он лишь изредка удостаивал меня простым «спасибо» или «было вкусно». Да, я знала, что не следует ожидать благодарности за свои дела только потому, что так принято, но все же. Мне хватило бы пальцев одной руки, чтобы посчитать, сколько раз он улыбнулся мне или спросил, как у меня дела, за все время работы. Одной гребаной руки. Я была всего лишь человеком, который имел определенную роль, на моем месте мог быть кто угодно, и от этого ничего бы не изменилось.

Я хорошо справлялась со своими обязанностями, редко жаловалась и выполняла любые поручения, даже если они мне не нравились. Я пыталась быть с ним приветливой и подшучивать над ним – хотя ему явно было плевать, – ведь нельзя же относиться к жизни слишком серьезно?

А Эйден только что буквально сказал мне «брысь» перед другими людьми.

– Это все? – Грубый голос Эйдена вырвал меня из моих мыслей. – У меня вообще-то еще тренировка.

В этот момент меня пронзило странное чувство облегчения. Мне показалось, будто я... могу дышать. Я стояла там и чувствовала себя собой.

– Да, это все, босс. – Я сглотнула, выдавила из себя улыбку и ушла с высоко поднятой головой, думая о том, что с меня хватит. На этом все.

Да что с ним не так?

Я десятки раз наблюдала его в плохом настроении, это было мне не в новинку. Даже тренировки он воспринимал очень серьезно, и каждая ошибка подолгу терзала его. Он много раз говорил в интервью, что порой лежит в постели и прокручивает в памяти игры, пока не уснет.

Он был не в духе круглый год. Я спокойно относилась к ворчливым парням, которые любому обществу предпочитают свое собственное. Обычно он просто пристально смотрел и иногда немного порывкивал.

Ничего страшного. Он не орал и не швырялся вещами...

Но унижать меня при других людях? Говорить подобные вещи? Такого еще не было, наверное, поэтому я и восприняла это так болезненно. Иногда самые неприятные слова в жизни могут подаваться в обертке милого тона и спокойного голоса.

Я вышла из здания очень расстроенной. Даже всю дорогу домой я вела машину, бормоча себе под нос. Через двадцать минут я въехала на территорию дома Эйдена и припарковалась на улице. Открывая входную дверь, я вдруг поняла, что что-то не так.

Сигнализация не работала.

– Зак? – крикнула я, на всякий случай достав из сумки перцовый баллончик, и пошла через кухню к двери в гараж, чтобы проверить, есть ли там машина.

Но мне не пришлось далеко идти.

Сначала я увидела на ониксовой столешнице длинные ноги в ковбойских сапогах из коричневой кожи. Мне не нужно было видеть его полностью, чтобы понять, кто это. Я уже знала, что увижу: потертую футболку, красивое лицо с узкими чертами и светло-каштановые волосы под черной ковбойской шляпой, которую он не менял годами.

Закари Джеймс Тревис лежал на столе с пакетом чипсов на коленях. Ростом метр девяносто, он был вторым защитником «Трех сотен» и бывшей звездой техасского Остина. Он получил одну травму за другой, и последние шесть лет его карьера шла на спад. По крайней мере, так говорили спортивные аналитики.

Но я знала Зака другим. Этот парень с резким акцентом, одеждой, от которой он ждал только, чтобы та была чистой и удобной, и улыбкой, от которой у женщин голова шла кругом, был моим другом. Другом, которому я доверяла свои секреты, в то время как его соседу по дому – нет.

Мы не виделись почти три месяца: он уехал домой в межсезонье.

Но в этот конкретный момент мне не казалось, что я очень уж скучала по нему.

– Ты едва не получил струю перца в лицо, – выдохнула я и прижала ладонь к сердцу, держа баллончик в другой руке. – Я думала, ты приедешь только на следующей неделе.

Зак спрыгнул на пол, и я наконец взглянула ему в лицо: он посвежел, загорел и, похоже, немного поправился. Он с широкой улыбкой распахнул свои объятия.

– Я тоже скучал по тебе, дорогая.

Я на время подавила расстройство из-за Эйдена и улыбнулась Заку в ответ.

– Что ты здесь делаешь?

– Решил, что раннее возвращение меня точно не убьет, – объяснил он, обогнув кухонный островок и встав передо мной, возвышаясь как башня над моими почти ста семьюдесятью сантиметрами. Я не успела и рта раскрыть, а Зак уже сжимал меня в объятиях. Я обняла его в ответ.

– Если кто и рискует вскоре умереть, так это твой сосед. В последнее время я несколько раз была близка к тому, чтобы отравить его.

Я принялась и чуть не рассмеялась, учуяв запах «Олд Спайса», которым он настоятельно прыскался.

– Он еще жив? – лениво, но довольно серьезно протянул Зак.

– Пока что, – сказала я и нахмурилась, вспомнив его сегодняшнюю реплику.

Зак отстранился, взглянул в мое лицо, мрачно сощурившись, и улыбка на его лице угасла.

– Хреново выглядишь, детка. Ты что, совсем не спишь? – спросил он, разглядывая, по-видимому, темные круги у меня под глазами.

Я пожала плечами, на которых лежали его ладони. Какой смысл врать?

– Сплю, но мало.

Зак знал, что нет смысла читать мне нотации. Вместо этого он лишь покачал головой. Интересно, как отреагировал бы Эйден, узнав, что мне удастся поспать только четыре-пять часов в сутки. Он относился к своим восьми-десяти часам сна как к священной обязанности. Это также являлось одной из причин, по которой у него не было друзей. Мысли об Эйдене напомнили мне о недавних разговорах и о том, что с Заком мы не общались уже две недели.

– Я наконец сказала Эйдену, что ухожу, – выпалила я. Он раскрыл рот, глядя на меня широко распахнутыми голубыми глазами.

– Seriously?

Он знал о моих планах. Как-то раз, когда мы только начали сближаться, он заметил меня с планшетом во время обеда и спросил, что я делаю. И я рассказала.

Он широко улыбнулся в ответ и ответил:

– Охренеть, Вэн. У тебя есть свой сайт или что-то типа этого?

С тех пор я переделала логотип для личного сайта Зака – после того, как настояла на том, что это отличная идея для его брендинга, – и оформила несколько баннеров для его страниц в соцсетях. А он нашел мне клиентов среди игроков команды.

Просияв довольной улыбкой, я почти что пропела:

– Я сделала это. Я сказала ему.

– И что он сказал? – спросил самый любопытный человек на свете. Я не смогла побороть желание поморщиться, вспомнив реакцию Эйдена. Вернее, ее отсутствие.

– Ничего. Сказал только, чтобы я сообщила Тревору.

Зак приподнял бровь и сочувственно хмыкнул.

Я проигнорировала это. Не имело значения, думал ли Зак о том же, о чем и я: что это – идиотский поступок.

– Ура, – пробормотала я, взмахнув пальчиками в воздухе, потому что даже воспоминания об Эйдене не могли омрачить счастье от скорого увольнения.

Он какое-то время смотрел на меня, задумавшись, прежде чем совладать с эмоциями и хлопнуть по плечу так, что я охнула.

– Самое время, черт возьми.

Я потерла плечо.

– Я знаю. Я рада, что наконец собралась с духом. Но, честно говоря, при мысли обо всем этом меня до сих пор тошнит.

Он на секунду задержал взгляд на моей руке, прежде чем обойти кухонный остров.

– Ой, да все у тебя будет хорошо. Я буду ужасно скучать по твоему мясному рулету, но не каждому удастся зарабатывать на жизнь любимым делом. Я рад, что ты наконец вступаешь в наш клуб, – сказал он, стоя спиной ко мне.

Иногда я не могла понять, почему не влюбилась в Зака. Он был немного самоуверенным, но ведь он был профессиональным футболистом, так что ничего удивительного. К тому же он был высокого роста, а я всегда любила высоких парней. Но у меня не было к нему никаких чувств, кроме дружеских. Наверное, едва ли у меня возникнут романтические чувства к парню, которому я пару раз покупала мазь от геморроя.

– Я приготовлю тебе мясной рулет, когда ты захочешь, – предложила я.

– Ловлю на слове, – ответил Зак и взял банан с подноса у холодильника. – Я чертовски рад, что ты решилась.

Я пожала плечами. Я была счастлива, но все же немного нервничала, хотя и понимала, что для этого нет причин.

На секунду я задумалась о том, чтобы рассказать Заку, как вел себя Эйден час назад, но какой в этом был смысл? Они настолько отличались по характеру, что и без того временами уставали друг от друга. И как их вообще угораздило поселиться в одном доме? Они не проводили время вместе, никуда не ходили и не делали того, что обычно делают друзья.

Но одному из них его положение в команде казалось настолько шатким, что он не хотел покупать дом, а второй даже не был американским резидентом. Так что они оба оказались в одинаково странной ситуации.

– Сколько еще ты...

Зака перебил звонок его телефона. Подмигнув, он вытащил из кармана свой мобильный.

– Подожди секунду, это... черт, это Тревор.

Уф. У них с Эйденем был один менеджер, вот почему они жили вместе.

– Он знает? – спросил он, указывая на светящийся экран своего телефона.

Я сморщила нос.

– Он повесил трубку.

Это заставило меня рассмеяться.

– Послушаем, чего он хочет. А потом расскажешь, что он сказал.

Зак поднес телефон к уху и направился в гостиную, а я поставила сумку на островок и начала убирать на кухне. Только сейчас я вспомнила, что сегодня мусорный день. Я достала пакет с мусором, расправила новый, а затем пошла в гараж, где стоял городской контейнер. Задержав дыхание, я открыла крышку, кинула в него мешок с мусором и потащила контейнер

на улицу к бордюру. Пока я ставила его на место, мимо меня трусцой пробежала женщина, направляясь туда, где начинался один из пешеходных маршрутов по району.

Я почувствовала что-то вроде укола зависти. Я посмотрела на свое колено и аккуратно согнула ногу. При желании я смогла бы бегать, но на это у меня почти никогда не было сил. Годы физиотерапии очень помогли мне, и я знала, что колено будет болеть еще меньше, если я начну регулярно заниматься спортом, но я всегда была слишком занята. А когда у меня появлялось время, я тратила его на что-нибудь еще.

Что за отговорки? Я уже решила, что с этим покончено.

Я сказала, что ухожу, и пока все шло хорошо. По крайней мере, могло быть гораздо хуже. Возможно, пришло время заняться тем, что мне интересно. Последние годы я была так занята своим проектом, что все остальное – чего я хотела с самого детства – ушло куда-то на задний план.

К черту.

У меня всего одна жизнь, и я потрачу ее на то, что мне нравится.

Пора, черт возьми.

Глава 4

Вот такая штука с неудачными днями: часто ты не понимаешь, что день не сложится, пока не станет слишком поздно. Ты одеваешься, завтракаешь и даже выходишь из дома, так что уже нельзя позвонить и сказать, что ты заболел и не придешь... и вот оно! Вселенная шлет тебе знаки, что дальше все будет очень плохо.

В тот день я проснулась в пять, чуть раньше обычного, поскольку знала, что предстоит много беготни. Меня разбудил запах кофемашины и самая неприятная из мелодий моего будильника. Я приняла душ, надела широкую повязку, чтобы волосы не лезли в лицо, узкие укороченные красные брюки, блузку с коротким рукавом, очки и балетки.

Ноутбук, планшет и два сотовых телефона лежали на кухонном столе. Я взяла свои вещи, налила в дорожную кружку кофе и потащила на улицу, когда небо еще было сонно-серым.

Уже на парковке я столкнулась с первым предупреждением. Чертова спущенная шина. В моем дешевом районе почти не было уличных фонарей, так что на замену шины у меня ушло раза в три больше времени, чем обычно, и я испачкала брюки, пока возилась с ней. Я опаздывала, поэтому не стала переодеваться.

К счастью, я добралась без проблем. Мое обычное место перед огромным домом не было занято, так что я припарковалась там, зашла внутрь, отключила сигнализацию и сразу прошла на кухню. Судя по звукам наверху, кто-то уже проснулся.

Я надела висевший на кухне фартук – одного пятна мне более чем достаточно. Затем вытащила из холодильника фрукты и капусту с морковью, которые вымыла и подготовила накануне. Отмерив чашку тыквенных семечек из стеклянной банки, я отправила все в дорожный блендер. В те дни, когда Эйден не отправлялся сразу на тренировку, он выпивал с утра большой смузи, тренировался дома и потом «нормально» завтракал. Как будто два литра смузи – это просто перекус.

Приготовив напиток, я вылила его в четыре больших стакана и поставила их перед любимым местом Эйдена за столом. Рядом с ними положила два яблока. В этот момент, как по часам, загремела лестница – это спускался Эйден.

Обычное утро с обычной рутинной.

Вторым признаком, что сегодня не мой день, было хмурое лицо Эйдена, но я слишком тщательно мыла блендер, чтобы заметить это.

– Доброе утро, – сказала я, не поворачиваясь к нему.

Тишина. Я знала, что он не ответит, но все равно здоровалась с ним. Воспитание давало о себе знать.

Все шло своим чередом. Эйден пил свой смузи, я мыла грязную посуду. Собравшись, он первым нарушил тишину низким и хриплым со сна голосом.

– Какие планы на сегодня?

– В девять у тебя интервью на радио.

Эйден проворчал что-то в ответ.

– Потом приедут репортеры с телеканала.

Он снова проворчал, но на этот раз без особого энтузиазма.

И в этом его трудно было винить. Я сама не понимала, зачем менеджер Эйдена сделал такой упор на местных новостях. Одно дело – давать интервью в отеле, в пресс-центре или в раздевалке после матча. И совсем другое – встречаться с журналистами у себя дома. Весь вчерашний день я провела, приводя в порядок кухню и гостиную.

– Потом у тебя обед в доме для престарелых, которому ты пожертвовал деньги. Ты дал согласие в прошлом месяце, – сказала я и взглянула на Эйдена, почти ожидая, что он передумает и откажется туда ехать.

Но Эйден лишь едва заметно кивнул.

– Мне поехать с тобой? – спросила я на всякий случай. Я почти всегда сопровождала его везде в Далласе, но была бы рада, если бы смогла отвертеться.

– Да, – сонно буркнул он.

Проклятье.

– Хорошо. Мы должны выехать в восемь, чтобы не опоздать.

Он поднял два пальца в жесте, который означал «согласен», «принято» или что-то вроде этого. Допив смузи, Эйден встал и отдал мне пустые стаканы.

– Я буду в спортзале. Позови меня за пятнадцать минут до отъезда, чтобы я успел принять душ.

– Будет сделано, босс.

– Ванесса!

Я отправила брату сообщение и сунула свой личный телефон в задний карман джинсов, прежде чем заглянуть в комнату, где Эйден ждал интервью.

– Да, сэр?

– Я хочу еще воды.

Он сидел на краю дивана, уставившись в свой телефон. Он не отвечал на сообщения фанатов, если я не настаивала, не оплачивал счета и не писал в своих соцсетях – всем этим занималась я. Что он делал в телефоне, было выше моего понимания.

И мне было не настолько любопытно, чтобы подглядывать.

– Хорошо, сейчас принесу, – ответила я, пытаясь вспомнить, где видела комнату отдыха.

Мне потребовалось куда больше времени, чем я ожидала, чтобы найти торговый автомат, потому что, разумеется, нигде нет ни одного журналиста, когда они так нужны. Купив наконец две бутылки, я поспешила назад в зеленую комнату.

– Ты что, ходила за ними на Фиджи? – резко сказал Эйден, когда я вошла.

Э-э...

Что?

Я нахмурилась и моргнула. В комнате, кроме него, сидели две женщины. Слишком много макияжа, слишком глубокие декольте. Девушки, впрочем, меня не беспокоили. Все мое внимание было обращено на босса. Временного боса. *Временного* босса, напомнила я себе.

– Что-то не так? – осторожно спросила я, глядя ему прямо в глаза. Ситуация была такая неловкая, что девушки начали ерзать – как в детстве, когда родители твоего друга ругают его прямо при тебе.

– Нет, – он так же пристально смотрел на меня, и его ответ был больше похож на хлопок, чем на слово.

Нет.

Почему я вообще утруждаю себя тупыми вопросами? Серьезно. Я подумала, что, возможно, лучше было просто промолчать. Но эти его угрюмые выходки начали действовать мне на нервы. Одно дело – его обычная ворчливость, а это – совсем другое. Тот факт, что он снова повел себя как кретин на людях, отложился у меня в голове, но его было достаточно легко проигнорировать и вытеснить из сознания, не заостряя на нем внимания, потому что я не была знакома с девушками, сидящими в комнате, и никогда их больше не увижу. Но то, что он сказал на виду у Кристиана, было совсем другой историей.

Теребя материал своего платка, я впилась взглядом в мордочку с усиками и не отводила от нее взгляда.

– Я знаю, наверное, я не вправе поднимать такие темы, но если ты хочешь о чем-то поговорить...

Каждое мое слово было пропитано злостью.

Все его внимание тоже было сосредоточено на мне. Эйден, одетый в свои обычные свободные шорты и футболку, выпрямился и положил телефон на бедро.

– Ты права. Я плачу тебе не за то, чтобы ты высказывала свое мнение.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Я подавила чувство, будто мой желудок в огне, и постаралась держать себя в руках. Я знала, каково это, когда к тебе придираются. Я знала, каково это, когда люди, о которых ты должен заботиться, дерьмово с тобой обращаются.

Я не собиралась плакать из-за Эйдена. Я не плакала из-за людей, которые не заслуживали моих слез, и Эйдену – особенно гребаному Эйдену – меня не сломить. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Он был прав. Мне действительно платили за то, чтобы я, стиснув зубы, выполняла свои обязанности. Скоро я уйду от него. Это все будет уже не мое дело. Прикусив щеку, я заставила себя отпустить ситуацию, хотя позже, оглядываясь назад, я поняла, что это действие далось мне тяжелее всего в жизни.

Я аккуратно поставила бутылки на стол.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – спросила я ровным, бесцветным голосом, но, возможно, при этом дышала как дракон.

– Нет, – буркнул в ответ этот грубый ублюдок.

Я улыбнулась ему, хотя была уверена, что у меня раздувались ноздри. Я все еще не обращала внимания на женщин, которые уже поднялись на ноги. Не нужно было спрашивать, чтобы понять, что они напросились составить ему компанию и теперь жалели об этом. Пусть.

– Я буду в коридоре.

Я выскользнула за дверь и прислонилась спиной к стене, сжав кулаки. Через мгновение из комнаты выскочили и две незнакомки. Они склонились друг к другу, о чем-то перешептываясь, и поспешили прочь. Это был не первый случай, когда женщины пытались подобраться к Эйдену, но безрезультатно. Впрочем, мне не было до них дела. Я была слишком зла, чтобы задуматься о ком-то, кроме той задницы в комнате ожидания.

В чем, черт возьми, его проблема?

Я не стала говорить ему о письмах разъяренных фанатов, которые он получил после того, как отменил встречу в Сан-Антонио, – хотя ему все равно было бы плевать. Тревор и Роб в последнее время не донимали нас звонками. Травмированная нога его, похоже, не беспокоила. Так в чем дело? У него было все, чего он хотел.

Что, черт побери, могло быть не так в его почти идеальном маленьком мире?

– Мисс, – окликнули меня из коридора. – Мы готовы к интервью с мистером Грейвсом.

– Хорошо, – кивнула я, выдавив из себя улыбку.

Я перестала улыбаться, прежде чем заглянуть в комнату и окинуть Миранду холодным взглядом, потому что все во мне бушевало при виде его лица.

– Они готовы.

Всю дорогу домой с интервью мы напряженно молчали. Как только мы приехали, Эйден исчез в спортзале, так и не сказав ни слова, а я принялась яростно мыть пол на кухне и в гостиной, ожидая прихода съемочной группы. Конечно, пол не был виноват в поведении Эйдена, но у меня не было другого способа излить свое негодование.

Я только добралась до коридора, который вел от холла к ванной и залу, когда услышала раздраженный голос Эйдена:

– Меня уже тошнит от твоих советов. Я сам знаю, что для меня лучше.

Э-э, что?

– Нет, это ты меня послушай. Может быть, я продлю контракт, может быть, нет, но я не хочу, чтобы ты раздавал обещания, которые я не собираюсь выполнять, – продолжал Эйден, его голос был пропитан ядом.

Он, что, собирался покинуть Даллас?

– Не преувеличивай свои заслуги. Все, что у меня есть, заработано моим тяжким трудом, а не чьим-то еще, – добавил Эйден после короткой паузы.

С кем он разговаривал? С Робом? С Тревором?

– Да плевать, – прорычал Эйден. Тишина после этой фразы была тяжелой и тревожной, почти зловещей.

– Все, о чем я тебя прошу, – действовать в моих интересах. Это твоя обязанность. Ты работаешь на меня, а не на команду.

Похоже, не я одна попала под горячую руку. Это должно было меня утешить, но легче мне не стало.

– Это не моя забота, – медленно сказал он, теперь его тон был холодным и сдержанным. – Держи рот на замке. Ничего им не обещай. Даже не разговаривай с ними. Лучше прислушайся к тому, чего я от тебя хочу. За это тебе и платят, верно?

Конец разговора.

Я неподвижно стояла там еще, наверное, минут пять и прислушивалась, но из зала не донеслось больше ни звука. Я стояла как вкопанная, дыша как можно тише, пока не решила, что прошло достаточно времени, чтобы не издавать подозрительных звуков.

– Отлыниваешь от работы? – спросил Зак сверху, перегнувшись через перила.

Я застыла. Вдруг Эйден подумает, что я подслушивала? Я кашлянула и невинно улыбнулась, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло.

– А ты, смотрю, только встал?

– У меня сегодня выходной, – объяснил Зак, сбегая вниз.

– У тебя в последнее время не жизнь, а сплошной выходной, – хмыкнула я и поставила подбородок на ручку швабры. – Лучше спроси, во сколько я сегодня встала.

– И знать не хочу, дорогая, – он похлопал меня по плечу, проходя мимо меня на кухню. – Даже не хочу знать.

Я фыркнула и вернулась к полировке паркета, а Зак отправился на кухню греметь посудой. Из головы у меня не выходил подслушанный разговор. Эйден ни разу не говорил об уходе из команды, и я даже не задумывалась, что он может такое сделать. Судя по его банковскому счету, платили ему более чем щедро. И его дела шли только лучше и лучше. Он стал лицом «Трех сотен». Они сделают все что угодно, чтобы удержать его в команде. Но чего он хотел? Этого я не знала.

Эйден должен был каждый день петь дифирамбы «Трем сотням» за то, что они дали ему в обмен на его умения.

– Дом просто сияет, Золушка, – хмыкнул Зак, прижимая миску к груди и проскальзывая мимо меня в гостиную так, чтобы я не успела его ударить. Секунду спустя там включился телевизор.

Не успела я и глазом моргнуть, как Эйден уже был у себя в спальне, чтобы впервые за несколько месяцев переодеться во что-нибудь попримечательнее спортивной одежды, а у тротуара парковался микроавтобус журналистов. Я огляделась, чтобы убедиться, что кругом царит абсолютная чистота. Когда раздался звонок в дверь, Зак в панике рванул наверх.

– Меня здесь нет, – пробормотал он, когда я пошла к двери.

На пороге стояли мужчина в костюме и два оператора с камерами.

– Добрый день, проходите, – пригласила я их в дом. – Эйден вот-вот спустится. Хотите чего-нибудь выпить?

Они внимательно огляделись, когда я провела их в гостиную, которую продюсер и Тревор заранее выбрали как лучшее место для съемок. Я заметила, как парень с камерой взглянул на стену дома, когда Эйден сбежал вниз по лестнице. Я не знала, как ощущается землетрясение, но была уверена, что Эйдено на ступеньках можно дать несколько баллов по шкале Рихтера.

Он заполнил собой весь дверной проем. Он эффектно выглядел в белой рубашке-поло, которая подчеркивала мощные мышцы плеч и рук и в которую он каким-то чудом втиснулся, и в бежевых брюках, сшитых специально для его мощных ног. Я с неохотой шагнула ему навстречу из своего угла. Обида обидой, но мне все еще нужно было выполнять свою работу.

– Что-нибудь нужно, прежде чем вы начнете?

– Принеси им воды, – бросил он, глядя куда угодно, но не на меня.

О вы, небольшие запросы.

Я выдохнула, сжала зубы и кивнула.

– Я как раз собиралась это сделать. Просто ждала, пока ты спустишься.

Снова раздался звонок в дверь. Я нахмурилась и обошла Эйдена, размышляя, не остался ли кто-нибудь из съемочной группы на улице, чтобы покурить. Посмотрев в замок, я увидела лицо, за которым недавно наблюдала в видеочате.

Тревор.

Ну почему именно он...

Я приоткрыла дверь, но загородила собой проход.

– Ванесса, – поприветствовал меня сорокалетний мужчина.

– Тревор, – кивнула я.

В своем сером костюме, с зачесанными назад волосами, он выглядел как влиятельный спортивный менеджер... и мешок с дерьмом.

– Могу я войти? – сказал он так, что это не звучало как вопрос.

Может ли он войти? Да. Хочу ли я его пускать? Нет. Но, учитывая, что в этом доме жили сразу два его клиента, выбора у меня не было.

– Не знала, что ты в городе, – сказала я, когда он прошел внутрь.

– Всего на день, – небрежно бросил он, сразу направляясь в гостиную.

Он приехал, чтобы поговорить с командой об Эйдене? Это с ним Эйден ругался по телефону?

Надо отдать должное Эйдено и Тревору: они вели себя так, будто никакой ссоры и не было. Сборище лицемеров. Я с трудом удержалась от того, чтобы не закатить глаза, и пошла на кухню за водой для всей компании.

– Вэн! – раздался сверху шипящий шепот Зака.

Запрокинув голову, я увидела, что он выглядывает из-за перил лестницы.

– Что ты делаешь? – прошептала я не в силах сдержать улыбку.

– Умоляю тебя. Я буду всегда любить тебя, солнышко... – начал он.

Я застонала. Я знала, что соглашусь на все, о чем он меня попросит, просто потому что он делает это так мило.

– Я не хочу спускаться туда, но я просто умираю от голода. У меня в холодильнике есть два сэндвича. Может, ты бросишь их мне?

Он вообще знал, с кем говорил? Я? Брошу?

– Подожди секунду.

Он сложил руки на груди, прежде чем отступить за перила. Ну что за дурачина.

Проходя мимо гостиной на кухню, я увидела, что съемочная группа устанавливала свет и белые зонты, а парень в костюме разговаривал с Эйденом и Тревором. Я достала из холодильника два здоровенных сэндвича и поспешила наверх, заодно прихватив большой пакет чипсов из батата. Я знала, с кем имела дело. После одного сэндвича Зак проголодается уже через полчаса.

Конечно, Зак ждал меня наверху лестницы, прислонившись спиной к двери гостевой спальни, чтобы его не было видно снизу. При виде еды он просиял, как ребенок.

– Я люблю тебя, Вэнни. Ты же знаешь об этом?

– Верю тебе на слово.

– Это чистая правда. Если тебе что-нибудь понадобится, я твой слуга, – сказал он шепотом, бросив взгляд вниз.

– Как насчет миллиона баксов?

Зак посмотрел на меня через плечо.

– Что угодно, но только не это. У меня в принципе нет миллиона баксов. Ты же знаешь, я бедняк.

Учитывая, что он наверняка зарабатывал раз в восемь больше меня, я бы точно не назвала его бедным. Но если сравнить его с Денежным Мешком из Виннипега, который сидел сейчас в гостиной, можно понять, что он имеет в виду.

– Ты не видел Ванессу? – раздался снизу голос Эйдена.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, когда услышала ответ Тревор:

– С каких пор я слежу за твоим пончиком? – сказал он, даже не перейдя на шепот.

Этот козел, что, только что назвал меня толстой?

Я перехватила взгляд Зака. Кажется, он думал о том же. Я нахмурилась и прижала палец к губам, прислушиваясь.

– Она была здесь минуту назад.

– Я знаю, сейчас не время, но я найду тебе кого-нибудь, – продолжил Тревор. – Она ведь сказала тебе, что уходит?

– Угу, – услышала я ответ Эйдена.

– Хорошо. Скоро я найду замену. Не беспокойся.

– Я и не беспокоюсь, – ответил предатель, но это задело меня лишь чуть-чуть.

– Я боялся, что ты воспримешь эту новость хуже, – признался Тревор, но я была настолько сфокусирована на словах, что не уловила никаких двойных смыслов, которые скрывались за их выбором.

– Пусть поступает как хочет, – ответил Денежный Мешок из Виннипега тем самым безэмоциональным голосом, что само по себе уже подтверждало, что он правда так думал.

Ну что за мудака. Хоть кто-то в этом доме ценил меня по заслугам?

– Мне она никогда не нравилась, – продолжал этот адвокат дьявола.

Я тоже была от него не в восторге, но твою мать. Им, что, не о чем было поговорить, кроме как обо мне – и за моей спиной?

Эйден что-то буркнул, и это был еще не конец.

– Может, найду кого-нибудь поизящнее, – хохотнул Тревор. – Что скажешь?

Я ждала. Ждала, что Эйден скажет ему заткнуться и заняться своим делом.

Напрасно. Он не сказал ни слова.

После всего, что я для него сделала.

После всего этого.

Он правда позволил Тревору говорить обо мне гадости? Это было просто непорядочно. Я бы никогда никому не позволила плохо отзываться об Эйдене, только если это не были мы с Заком, болтающие всякую чушь, но, на мой взгляд, мы имели на это право, так как он был его соседом, а я – придворной слугой.

В моих глазах это было настоящим предательством.

Конечно, я была просто его подчиненной, но неужели ему и правда было плевать, что я уйду? И мало того, так он еще позволил этому уроду обсуждать меня? Мою гребаную внешность? Я ни разу не пришла на работу в неряшливом виде. Мои прямые каштановые волосы обычно неплохо выглядели, потому что я просто оставляла их распушенными. Я красилась

и была внимательна к своей одежде. Едва ли я была красоткой, но и уродиной меня тоже не назовешь – по крайней мере, я так думала. Конечно, у меня был не самый маленький размер, но *Тревор издевался, что ли, надо мной? Я? Хренов пончик?*

Ко мне подкатывали время от времени. Если бы я хотела парня, то он бы у меня был, и страшный как Шрек.

Мне удалось досчитать до двух, прежде чем я подумала «да какого хрена» и позволила себе разозлиться.

Что я здесь делала? Я сказала им, что ухожу, больше недели назад. Эйден все это время был еще холоднее и капризнее, чем обычно. И я не могла винить в этом одну только его травму.

Я драила его дом до блеска, оставляла ему шоколадные конфетки на подушке и откладывала ради него свои мечты, а он позволил Тревору говорить обо мне всякие гадости.

Я сглотнула и прищурилась. Один лишь раз. Я встретила взглядом с Заком и обнаружила, что он стоит, стиснув зубы. Закусив щеку, я вспомнила, что сказала себе там, на обочине, рядом с мусорным баком. В тот день я начала выходить на прогулки. Я даже решилась на небольшую пробежку. Со мной рассчитались на прошлой неделе.

В конце концов, это моя жизнь, и только я решаю, как мне провести ее. Неужели я мало сделала? Мало вытерпела? Мало приняла? Жизнь – это то, что ты из нее делаешь, по крайней мере так говорилось в книжках «Куриный бульон для души», которые подсовывал мне приемный отец, когда я была подростком. Если жизнь дает тебе лимоны, ты сам решаешь, что из них приготовить. И это необязательно лимонад.

Мысленно шлепнув себя по заднице, я повернулась к единственному человеку в доме, которого могла назвать своим другом.

– Я ухожу.

– Вэн... – начал Зак, качая головой. Он выглядел напряженным. – Не обращай внимания. Они того не стоят.

Зак потер подбородок, прежде чем кивнуть в сторону лестницы.

– Давай, беги отсюда, пока я не пошел надирать им за тебя задницы.

Я фыркнула, чуть не плача. Надирать им задницы.

– Не забывай мне звонить или писать время от времени, ладно?

– Даже не сомневайся.

Вспомнив своих старших сестер-психопаток, я почувствовала, как по моим венам потекла решимость, и ударила его кулаком. Мы посмотрели друг на друга, прежде чем обняться, всего на секунду, так как это было не прощание, а всего лишь «увидимся позже».

Спускаясь по лестнице, я старалась не думать, что вижу эти голые стены в последний раз. Я чуть не обернулась на звук голосов из гостиной, но теперь мне было все равно, и я не стала растрчивать себя на это.

Я со всем этим покончила.

На кухне я вытащила из сумки рабочий телефон. Затем я сняла с кольца ключи от дома, почтового и абонентского ящиков Эйдена. Положив все это на стол, я потерла бровь и поправила очки, пытаясь вспомнить, не забыла ли я здесь что-нибудь из своих вещей. Хотя, если я что-то и оставила, Зак мне это отдаст.

Я потерла ноги и повесила сумку на плечо. Нервное предвкушение сжало мой желудок. Я это делаю. Я правда это делаю.

– Не могла бы ты сбегать в магазин и купить мне что-нибудь поесть? – спросил Тревор, неожиданно оказавшись на кухне, когда я уже повернулась, чтобы уйти.

Хоть я и помнила, что мне стоит «убить» этого придурка своей добротой, я не нашла в себе силы поступить по-взрослому. Это был последний раз, когда мне приходится мириться с его дерьмом; мне никогда больше не придется видеться с ним, общаться. Аминь, хвала богу.

– Нет, – ответила я с легкой ухмылкой. – Пончик уходит. Передай, пожалуйста, Эйдену, когда рядом никого не будет, что он может идти на хрен.

– Что? – разинул рот Тревор.

С ощущением триумфа я небрежно махнула ему рукой и вышла из кухни. Уже у входной двери я обернулась, чтобы заглянуть в гостиную, и увидела, что Эйден сидит на диване и разговаривает с журналистом. На секунду взгляды наши встретились, и, клянусь жизнью, между его бровей появилась складка.

Открыв дверь и не успев отговорить себя от последовавшего за этим поступка, я одними губами произнесла «я заслуживаю лучшего, придурок», убедившись, что он все понял дословно. Я показала ему средний палец и помахала им на прощание.

Чтоб им с Тревором провалиться.

Глава 5

За первой неделей последовала вторая, за ней – третья и четвертая.

Первые дни после того, как я ушла из того дома и уволилась, я думала об Эйдене куда чаще, чем следовало, – когда мои мысли не были заняты работой. И обычно я думала даже не о том, как сильно хотела его убить.

Выйдя из его дома, я со скоростью света вдавила педаль газа, чтобы отправиться домой. Я тут же взялась за работу над новым проектом, полная решимости добиться успеха в том, что мне действительно нравится. Ради этого я готова была работать как проклятая.

Судя по всему, все связи с прошлым были навсегда разорваны.

Эйден оказался настоящим уродом, а ведь раньше я винила его только в излишнем прагматизме и решительности. С этим я могла смириться, но не готова была принять его предательство. Я не Роб и не Тревор, моя зарплата не зависела от того, что Эйден говорил и делал. Что было хорошо для Эйдена, было хорошо и для меня. И разве я не старалась, чтобы ему было хорошо? Разве я не старалась делать все, чтобы он был доволен?

И все же он позволил этому придурку болтать у меня за спиной, хотя я не поехала к брату и провела прошлое Рождество в Далласе, потому что Эйден тогда все еще с трудом двигался после травмы.

К сожалению, первые свои дни после увольнения я начинала с мыслей об Эйдене. Мой организм не привык спать до восьми – даже в выходные я обычно вставала около шести. Я думала об Эйдене, пока готовила завтрак и пока жевала сосиски. Я возвращалась к мыслям о нем в обед и за ужином, потому что привыкла готовить на двоих.

Я думала о нем каждый день первых двух недель моей новой свободы. Нельзя работать на кого-то пять-шесть (а иногда и семь) дней в неделю в течение двух лет и не обрести какой-то рутины. Нельзя потом просто вычеркнуть это из своей жизни.

И нельзя так же вычеркнуть момент, когда я вдруг поняла, что держусь за работу на человека, который не придет на мои похороны... даже если они выпадут на его выходные. Мысль, что некоторые мои родственники тоже не придут на мои похороны, мало меня утешила.

Со временем мой гнев угас, но чувство обиды на его предательство, от которого горели легкие, никуда не исчезло. Я понимала, что с Эйденем что-то не так. Если бы все было в порядке, может, он и не вел бы себя как последняя мразь.

Но он перешел черту, которую я мысленно провела. А я сделала то, что считала правильным.

Так это все и произошло.

Я выбрала жизнь, где была сама себе боссом.

И я нисколько об этом не жалела.

Был поздний вечер, когда я быстрым шагом возвращалась домой из спортзала, обдумывая дизайн обложки романа, над которой я сейчас работала. Внезапно я заметила человека, сидевшего внизу лестницы. Я тут же нащупала в кармане перцовый баллончик, который я всегда держала под рукой, особенно когда шла по своему району. Одновременно я прищурилась, пытаясь понять, кто это мог быть.

Было девять часов вечера. После наступления темноты здесь околачивались разве что торговцы наркотиками. Остальные предпочитали избегать этих мест. Да и кому захочется сидеть на улице в такую жару и в компании комаров?

Я прибавила шагу, машинально отметив, что колено после трехкилометровой пробежки почти не болело. Трехкилометровой! Мне потребовалось всего полмесяца бега четыре раза в неделю, чтобы привыкнуть к дистанции в полтора километра, а затем чуть ускориться и доба-

вить к ней еще полтора. Я гордилась собой и планировала на этой неделе увеличить дистанцию еще на столько же.

Все еще сжимая баллончик, я следила за мужчиной... это определенно был мужчина. Я снова прищурилась. Ключи я держала в другой руке, готовая быстро открыть дверь или ударить ими в глаз – смотря как пойдет.

– Ванесса?

На мгновение я застыла при звуке этого рокошущего голоса. Незнакомец знал мое имя, и это застало меня врасплох.

А потом меня озарило. Я его узнала.

Незнакомец, оказавшийся не таким уж незнакомцем, встал со ступеньки.

– Привет.

Мой бывший начальник выпрямился во весь свой внушительный рост, подтвердив, что это и правда был он.

Эйден. Это был Эйден. Здесь.

Скрючившись, он мог сойти за любого парня, который занимается спортом, особенно вот так прижимая руки к бокам, скрывая мышцы, которые и сделали его знаменитым. Я подумала, что это, пожалуй, первый раз, когда он использовал это, видимо, запрещенное слово на букву «п», и тут же выпалила:

– Что ты здесь делаешь?

Я определенно нахмурилась. На лбу появились складки, когда я впервые за месяц увидела его в футболке и шортах.

Его лицо все так же напоминало неподвижную маску. Его карие глаза, в которые я смотрела сотни раз, скользнули по моим ярко-красным волосам, которые Диана покрасила пару недель назад, но он ничего не сказал по этому поводу.

– Ты здесь живешь?

Вопрос повис в воздухе. Его взгляд опустился на руку, в которой я держала перцовый баллончик и связку ключей, зажатую между пальцами.

Я подумала о своих соседях, об обшарпанном здании, разбитых машинах на стоянке, потрескавшемся тротуаре и жалком газоне. У меня редко бывали гости, так что я не слишком переживала из-за своего жилья. Главное, что у меня была крыша над головой. Тем более все могло быть гораздо хуже. Всегда может быть хуже. Я старалась не забывать об этом.

Затем я вспомнила о прекрасном закрытом районе, в котором жил Эйден, и о потрясающей кухне, на которой мне часто приходилось готовить раньше... после чего представила заляпанный ковер в своей квартире и облупившиеся столешницы, и меня слегка передернуло.

Нет, я не буду стыдиться того, что живу не в роскошной квартире. Это было первое место в моей жизни, где я предоставлена самой себе и могла спокойно спать и работать.

Я медленно кивнула, удивленная – ладно, по-настоящему потрясенная – тем, что вижу Эйдена на пороге своего дома. После увольнения я несколько раз говорила с Заком, но он всего один раз упомянул Эйдена, просто сказал, что они тренировались вместе. Собственно, я больше ничего и не хотела знать.

– Нам надо поговорить, – скорее потребовал, чем попросил Эйден, ни на секунду не изменившись в лице.

Я хотела спросить, как он узнал, где я живу, но вопрос застрял в горле. Одно простое слово, которым я должна была ответить ему, просто выскочило у меня из головы. И тут я вспомнила: пончик.

Этот ублюдок Тревор обозвал меня пончиком, а Эйден сделал вид, что так и надо.

Я не сдержалась и потянула за край шорт, которые стали мне велики. За последние пять недель я похудела почти на десять фунтов, и это сказалось на большей части моей одежды. Но воспоминания о словах Тревоора только еще больше разозлили меня и придали решимости.

– Нет, – сказала я. Ну вот, это оказалось совсем несложно. – У меня полно работы и совсем нет времени.

Мне стало стыдно за эту грубость, но я быстро подавила это. Я ничего ему не должна была: ни одной вещи, ни одной секунды, ни одной лишней мысли.

Эйден упрямо вздернул свой сильный подбородок и поджал губы. Потом моргнул.

– У тебя нет для меня пары минут?

Я тяжело сглотнула и поборола желание заерзать под его взглядом.

– Нет. Мне надо работать, – спокойно повторила я.

Лоб Эйдена прорезали морщины. Это был шок. Он был шокирован, скорее всего, впервые в своей жизни. Это придало мне уверенности и сил не дрогнуть под его пристальным взглядом.

– Нам нужно поговорить, – отмел он мои возражения в привычной для него манере.

О чем, черт возьми, нам говорить?

Все, что нужно, уже было сказано. Он мудака, и с меня хватит. Что тут еще скажешь?

– Слушай, у меня и правда много дел.

Я уже хотела придумать другое оправдание, когда в доме напротив громко хлопнула дверь. Нельзя было, чтобы кто-то из жильцов узнал Эйдена. Я провела дома несколько воскресных вечеров и поняла, что тут полно футбольных фанатов.

Вздыхнув и пообещав себе, что не дам ему того, за чем он пришел, я кивнула на дверь.

– Я не думаю, что нам есть о чем говорить.

Это было единственное, что я могла сказать. Хотела ли я стоять с ним у двери своей квартиры? Нет. Хотела ли я, чтобы он вошел внутрь? Нет. Но еще я точно не хотела, чтобы кто-то из соседей узнал, что довольно известный миллионер стоит у моих дверей.

– Можешь зайти, пока тебя не узнал кто-нибудь из фанатов, – пробормотала я, щелкая замком. – Так и быть.

Я добавила это только потому, что даже смотреть на него не могла без злости.

«Надо было сразу послать его, Вэн», – сказал мой внутренний голос. И он был прав.

Я придержала дверь, боковым зрением наблюдая, как он протискивается внутрь. Когда дверь закрылась, я включила свет, и массивный защитник «Трех сотен» сделал несколько осторожных шагов, разглядывая картины на стенах. Вряд ли он догадается, что это мои работы, если только не заметит инициалы в углу. Он ничего не сказал. Я тоже. Эйден никогда не спрашивал, чем я занималась в свободное время, и сама я об этом не рассказывала.

Что забавно, потому что некоторые игроки из его команды знали об этом куда больше. Нескольким я оформила сайты в интернете и еще для двоих сделала эскизы татуировок. Эйдену я пару раз сказала: «Знаешь, твои рекламные снимки можно было бы поправить. Твое имя написано не очень удачным шрифтом и расположено довольно странно. Хочешь, я этим займусь?» И что он мне ответил?

«Забей».

Он отмахнулся от меня. Мне потребовалось несколько недель, чтобы набраться смелости и предложить ему это. Я даже не собиралась брать с него деньги. Ну и ладно. Это его бренд и его карьера, а не моя.

Эйден сел на диван в гостиной, а я устроилась на стуле, глядя на него со всем спокойствием и безразличием, на какое была способна. Комната была довольно маленькой. Из мебели сюда влезли только письменный стол со стулом, двухместный диванчик и книжная полка, служившая заодно подставкой для телевизора. Я смотрела на Эйдена, который заполнил собою всю гостиную, и даже совсем не нервничала.

Я закончила эту историю и не имела ни малейшего желания быть дружелюбной с ним. Я не собиралась шутить или делать вид, будто ничего не произошло. Вообще-то меня даже раздражало его присутствие в моей квартире.

Мне нечего было терять, и он больше не распоряжался моей зарплатой. Я даже не стала переживать, когда поняла, что не получу деньги за последние несколько дней, которые я провела с ним, потому что ни за что не хотела связываться с Эйденом или Тревором. Уйти так, как ушла я, оставив его в недоумении, стоило каждого потерянного пенни.

– Зачем ты пришел, Эйден? – спросила я, когда молчание явно затянулось.

Эйден сидел, положив руки на колени. Лицо серьезное и отстраненное, словно перед игрой, плечи, как обычно, напряжены, спина прямая. Он редко позволял себе расслабиться, даже дома. Он, кажется, недавно постригся и выглядел ухоженным и здоровым. Как всегда. Будто и не было месяца, который прошел с нашей последней встречи.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – сказал он, не сводя с меня своих темных глаз.

Это был сон. Нет, наверное, это не самое подходящее слово. Кошмар? Может быть, я бредила?

– Прошу прощения? – Я вздохнула и всмотрелась в белки его глаз, чтобы убедиться, что они не налиты кровью. Затем принялась: вдруг от него несло травкой? Нет, но, похоже, все было возможно. – Ты что, под кайфом?

Эйден одарил меня тяжелым взглядом. Его короткие, но невыносимо густые ресницы на мгновение опустились.

– Что, прости? – осторожно спросил он.

– Ты под кайфом? – повторила я, потому что не мог же он просить меня об этом на трезвую голову.

Он смотрел на меня немигающим взглядом, сжав губы.

– Я не под кайфом, – сказал он, явно оскорбленный.

Если я смотрела на него так, будто я ему не верила, то это потому, что я ему не верила. Что, черт возьми, могло внушить ему мысль, что я могу вернуться?

Наркотики.

Наркотики могли убедить его, что прийти сюда – это хорошая идея. Неужели недостаточно было прощания, которое я передала ему через Тревога?

Должно быть, эта мысль отразилась на моем лице, потому что Эйден покачал головой и повторил:

– Я не под кайфом, Ванесса.

Я выросла с человеком с зависимостью и знала, что эти люди будут до конца отрицать, что у них есть проблемы. Даже если все признаки того, что ситуация вышла из-под контроля, были налицо. Я прищурилась и снова всмотрелась в его лицо, пытаюсь понять, принимает ли он что-нибудь.

– Не смотри на меня так. Я ничего не принимаю.

Его загорелый лоб прорезали тонкие морщинки. Печать дней, проведенных на солнце, и признак того, что ему тридцать, а не двадцать два.

Я посмотрела на его руки, чтобы убедиться, что на них нет никаких странных синяков, но ничего не обнаружила. Затем я перевела взгляд на ладони, пытаюсь разглядеть нежную плоть между пальцами в попытке найти там какие-нибудь следы. По-прежнему безрезультатно.

– Я ничего не принимаю, – он сделал паузу. – С каких пор ты считаешь, что я могу употреблять? Я пил хотя бы обезболивающие?

Настала моя очередь сделать паузу, чтобы посмотреть ему в глаза в надежных стенах собственной квартиры, после чего я медленно произнесла:

– Я никогда не думала, что ты можешь употреблять, – я сглотнула. – Но еще я никогда не думала, что ты можешь оказаться таким козлом, – добавила я, не успев прикусить язык.

Эйден слегка отшатнулся, едва заметно, но я это увидела. Его ноздри раздулись так широко, что я просто не могла не обратить на это внимания.

– Ванесса...

– Мне не нужны твои извинения, – сказала я. Я сжала руки, лежавшие на коленях, когда в груди защемило от его предательства. Возможно, я еще не до конца оправилась от того, что произошло. Возможно. Но я заставила себя сказать ему: – Мне от тебя ничего не надо.

Он открыл рот, и, клянусь, мышцы в его щеках дернулись. Он издал тихий звук, чуть ли не заикаясь, будто впервые за годы нашего знакомства хотел сказать мне что-то действительно важное, но не знал как.

Вот только я не настроена была слушать его.

Что бы он ни хотел сказать, он опоздал на месяц. На год. На два года.

Я солгала своим близким о том, почему столь внезапно уволилась. Это была еще одна ложь в списке того, что я не рассказывала им на протяжении многих лет, потому что не хотела, чтобы они волновались или злились из-за чего-то настолько дурацкого и незначительного.

Впрочем, это не имело никакого значения. Я уже не работала на него и, честно говоря, думала, что больше никогда его не увижу. Зачем было доводить ситуацию до этого? Я пыталась убедить себя, что то, как я ушла, было лучшим вариантом покончить с этим. А то неизвестно еще, сколько бы мне пришлось ждать замены. Возможно, они постарались бы побыстрее от меня избавиться, но этого я уже никогда не узнаю.

Теперь мы были квиты. Я не чувствовала ничего, кроме едва заметного проблеска признания к человеку, кого я видела сотни раз. Это был человек, которым я восхищалась, которого когда-то уважала, который разбил мне сердце и глубоко разочаровал меня.

«Но я двигаюсь дальше», – подумала я, все еще сжимая руки.

– Я просто хочу знать, зачем ты пришел. У меня и правда много работы, – невозмутимо повторила я.

Человек, получивший свое прозвище еще в старших классах, потому что уже тогда был сукиным сыном, склонил голову набок и провел языком по верхним зубам. Его кадык двинулся, прежде чем он наконец снова посмотрел на меня с упреком.

– Я ждал, что ты вернешься через несколько дней, но ты так и не объявилась.

Он, что, считает, что я совсем бесхарактерная?

– Ты правда думал, что я это сделаю?

Я бросила на него взгляд, означавший «ты серьезно?».

Он на мгновение посмотрел в сторону, но предпочел не давать однозначного ответа.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – повторил он.

Он не заставит меня мучиться чувством вины. Я не задумалась над ответом ни на секунду:

– Нет.

Эйден решил игнорировать меня. Какая неожиданность.

– Я заставил Тревора искать тебя, но никто даже не знал, что у тебя был еще один телефон, или твой настоящий адрес.

Конечно, потому что никто никогда не пытался что-нибудь обо мне узнать. Но я не стала говорить это вслух. У них был адрес места в Форт-Уэрте, городе-побратиме Далласа, где я жила раньше с Дианой и ее братом. Родриго съехал оттуда первым через полтора года, когда его девушка забеременела. Я тоже нашла себе другое жилье, когда стала работать у Эйдена, и мне удобнее было жить в Далласе, а не тратить по часу на дорогу туда и обратно каждый день. Потом переехала и Диана.

От меня также не ускользнуло, что Эйден не упомянул Зака. Он был единственным в нашем маленьком кругу, кто знал мой личный номер, и я была уверена, что он его никому не давал.

– Возвращайся.

Я поправила очки и произнесла одно из самых сильных, самых живучих слов в английском языке:

– Нет.

– Я буду платить тебе больше.

Заманчиво, но...

– Нет.

– Почему?

Почему? Мужчины. Только долбанные мужчины могут быть такими... *тупыми*. Эйден даже не извинился передо мной. Не попытался изменить свое поведение и убедить меня вернуться – не то чтобы я согласилась бы. В общем, старая песня.

Возвращайся.

Почему нет?

Бла-бла-бла.

Почему нет?

А за каким хреном мне возвращаться?

Я чуть не сказала «мне очень жаль», но на самом деле мне не было жаль. Нисколько. Рассматривая огромного Эйдена, который требовал, чтобы я вернулась, и не мог понять, почему я этого не хотела, я осознала, что мягкостью ничего не добьюсь. Нужно было сказать ему правду... или хотя бы часть правды. Какая-то маленькая незрелая часть меня хотела, чтобы он страдал.

Я хотела причинить ему ту же боль, что он причинил мне. Но ведь это был Эйден, он дал мне работу, которая позволила мне откладывать деньги, чтобы осуществить свою мечту. Это был тот самый человек, которого я видела в худшем состоянии, когда он столкнулся с осознанием того, что, возможно, никогда больше не сможет заниматься единственной в мире вещью, которую так любил.

Это был Эйден. Я знала его. Я не хотела больше заботиться о нем, но ничего не могла с собой поделать, даже если это была какая-то подсознательная, изуродованная версия моей прежней заботы. И мне не хотелось быть как Тревор или Сьюзи, которые творили зло просто потому, что они были такими людьми.

Поэтому я решила сделать это просто. Я сунула руки себе под ноги и сказала:

– Потому что я заслуживаю лучшего.

Глава 6

– Вот черт.

Я заметила черный «Рендж-Ровер» на парковке, когда такси остановилось у моего дома. Эту машину я бы узнала где угодно. Я не раз ездила на ней на замену масла и на мойку. Это был не самый роскошный автомобиль – некоторые мои соседи водили «кадиллаки» и «мерседесы», хотя я не представляла, как они могли себе это позволить. Но я сразу заметила номер Эйдена.

Это застало меня врасплох.

В прошлый раз мы не то чтобы расстались на дружеской ноте. Когда я четко дала понять, что не хочу возвращаться, Эйден взглянул на меня так, будто я говорила на неизвестном языке, и спросил:

– Это шутка?

Какое высокомерие.

– Нет.

Другого ответа у меня для него не было.

Он встал, на мгновение бросил взгляд куда-то в потолок и ушел. Вот и все.

Меньше всего я ожидала, что он вернется. С другой стороны, нечему было удивляться. Эйден был не из тех, кто отступает от намеченного. Он слышал только то, что хотел слышать. Эта мысль не особенно согревала мне душу. Я просто хотела навсегда оставить его позади, особенно после того его предательства.

Меня сильно расстроило, что он каким-то образом узнал мой адрес и теперь настойчиво приезжал ко мне, хотя раньше не мог даже спросить, как у меня дела. Сейчас было уже слишком поздно. Единственное, чего я хотела от него в прошлом, – это хотя бы немного уважения, если не дружбы. Но он не дал мне и этого.

– Мэм, все в порядке?

– Да, спасибо, – соврала я. – Мне показалось, что я потеряла ключи, но уже нашла их. Сколько я вам должна?

Заплатив таксисту, я выбралась из машины и быстро прошла через ворота. В одной руке я держала перцовый баллончик, в другой – ключи от квартиры. Я прекрасно понимала, что выпила слишком много вина, чтобы разбираться с этой ерундой прямо сейчас.

Мой гость сидел на том же месте, что и несколько дней назад.

Увидев меня, Эйден выпрямился во весь рост, его взгляд задержался на подоле моего платья, которое я надела для ужина. Сам он был в футболке и спортивных шортах, наверняка приехал сюда прямо с тренировки. Если мои подсчеты были верны, команда сейчас активно готовилась к сезону, уделяя основное внимание новичкам, а не ветеранам вроде Эйдена.

– Нам нужно поговорить, – тут же заявил он, его глаза остановились на глубоком вырезе моего декольте.

Искося взглянув на него, я подошла к двери, игнорируя его изучающий взгляд. Не то чтобы я никогда не носила при нем платья, но все они были ниже колен и прикрывали грудь. Мой нынешний наряд был мало на них похож. Это было мое я-впервые-за-два-года-на-свидании платье, которое я надела для встречи с мужчиной с сайта знакомств. Мы довольно живо общались с ним в интернете, но личное знакомство меня не впечатлило. Опасаясь встретить незнакомца, который может записать номер моей машины, я взяла такси до итальянского ресторана, в котором мы договорились поужинать.

– Удели мне пару минут, – сказал Эйден уже менее напористо и агрессивно, все еще рассматривая мое платье.

Искушение сказать «о, после двух лет молчания ты захотел поговорить?» было огромным. Но я лишь вскинула брови и вставила ключ в замок.

На шее Эйдена дернулся мускул.

– Пожалуйста.

Конец света близок. Эйден правда сказал «пожалуйста»?

Я успела только задуматься об этом, как сверху вдруг раздались голоса – черт бы их всех побрал! Массивная фигура Эйдена занимала всю лестницу, и он был известен в Далласе. Всего пару дней назад я видела здесь несколько парней в спортивных футболках «Три сотни» с фамилией Грейвс на спине. Я вообще не хотела, чтобы кто-то его увидел, тем более я два года изо всех сил старалась скрыть от всех, что работала на него.

– Заходи, – пробормотала я, быстро маша ему рукой. Его не должны были видеть.

Ему не нужно было повторять дважды. Едва он вошел и я закрыла дверь, как по лестнице сбежали трое мужчин. Я обошла Эйдена и направилась на кухню, недовольная тем, что мне пришлось впустить его.

– Ты выглядишь иначе, – прозвучал у меня за спиной голос Эйдена.

– Я и при тебе носила платья, – заметила я чуть резче, чем хотелось.

– Не такие, – мгновенно ответил он. – И я не имел в виду твою рубашку.

Мою рубашку?

– Ты выглядишь иначе.

Я фыркнула и обошла кухонный стол.

– Просто я покрасила волосы и похудела. Вот и все.

Присев по другую сторону стола, Эйден снова скользнул взглядом по моему телу, не закрытому платьем: по моему лицу, шее, груди и обнаженным рукам. Господи, мне от этого стало очень неловко. Еще раз окинув меня взглядом своих темных глаз, он поднял брови и издал неразборчивый звук, похожий на «хм». Впрочем, эта мысль, о чем бы она ни была, уже уступила место другой, как это часто бывало с Эйденем.

– Я хочу, чтобы ты снова начала работать на меня, – заявил он.

Не сдержав стона, я отвернулась к холодильнику.

– Я серьезно, – кивнул Эйден, будто я ставила это под сомнение.

Я неспешно открыла холодильник и достала оттуда графин с водой. Да, я была упрямой. Я это признавала. Но Эйден? Господи, спаси. Эйден разбивал меня в пух и прах: он вывел упрямство на принципиально новый уровень. Вообще-то по плану он должен был просто забыть о моем существовании через пару дней.

Закрыв холодильник, я глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы собраться с мыслями. Я знала Эйдена, и сейчас он вел себя в своей обычной манере. Это все равно что разбаловать ребенка, а потом начать его воспитывать, когда уже слишком поздно. Я слишком многое спускала ему эти два года и теперь пожинала плоды своей мягкости.

– Эйден, я тоже серьезно. Я не хочу и не буду на тебя работать.

Тишина была невыносимо долгой, мучительной из-за того, что, как мне казалось, мы оба могли сказать друг другу, но не говорили.

Стул под Эйденем скрипнул. Я не хотела смотреть на него.

– Ты не действуешь мне на нервы, – сказал он, будто я нашла лекарство от рака.

Я не могла даже просто поднять на него взгляд.

«Ты не действуешь мне на нервы».

Мне пришлось поставить кувшин и схватиться рукой за край столешницы. Какой, интересно, реакции он от меня ждал? Я должна была рассыпаться в благодарностях за этот душевный комплимент?

Я начала считать: *раз, два, три, четыре, пять...* Лишь бы не сказать ничего лишнего в сердцах. Пытаясь правильно подобрать слова, я подняла голову и достала из шкафчика стакан.

– Скажи своему следующему помощнику, что ему необязательно разговаривать с тобой.

– Я никогда не говорил тебе ничего подобного, – тут же возразил Эйден хриплым низким голосом.

– Тебе не нужно было. Дела громче слов.

Он раздраженно хмыкнул, а затем добавил нечто такое, отчего я замерла со стаканом в руке.

– Ты хороший работник.

Раз, два, три, четыре, пять.

Из всех слов, которые он мог выбрать...

Мне стоило прямо сейчас вlepить ему пощечину. Правда стоило.

– В мире полно хороших работников. За те деньги, что ты платишь, кто угодно будет стараться изо всех сил, – сказала я, убирая воду в холодильник. – Я тебя не понимаю, Эйден. Не понимаю, почему ты настаиваешь на моем возвращении, если я *больше не хочу быть твоей помощницей*. Я не знаю, как еще тебе объяснить.

Вот. Наконец я это сказала. Это было больно, но в то же время принесло облегчение.

– Помнишь то время, когда я только начинала работать на тебя? Помнишь, как я здоровалась с тобой каждое утро и спрашивала, как у тебя дела?

Он не ответил.

Прекрасно.

– Помнишь, сколько раз я спрашивала, все ли у тебя в порядке, или пыталась шутить, а ты меня игнорировал? – Я облизнула губы и прислонилась плечом к холодильнику, глядя на Эйдена, сидящего столом у меня на кухне. – Впрочем, все это уже не важно. Я не хочу работать на тебя.

– Нет, важно, – сказал он и слегка наклонился вперед, его ноздри раздулись. – Это важно, потому что я хочу, чтобы ты вернулась.

– Тебе вообще было плевать на мое присутствие. – От внезапного приступа злости у меня словно все тело вспыхнуло. Нет, я не буду биться головой о холодильник. Я не буду биться головой о холодильник. – Ты даже не знаешь меня...

– Я знаю тебя, – перебил он.

От гнева, какого я никогда раньше не испытывала, у меня болело в груди.

– Ты не знаешь меня. Ты никогда даже не пытался меня узнать, так что не смей говорить такое, – рывкнула я и тут же почему-то почувствовала себя виноватой. – Я сказала тебе, что увольняюсь, но тебе было плевать. Не знаю, почему ты вдруг забеспокоился сейчас, но вообще-то мне все равно. Найди себе кого-нибудь еще, потому что я не вернусь. Все, конец истории.

Эйден не моргал, не дышал и ни разу даже не дернулся. Его взгляд был прикован ко мне, будто он мог изменить мои чувства силой мысли.

В течение, казалось, целой вечности в моей крошечной квартирке не раздавалось ни звука. Затем, абсолютно внезапно, тоном, совершенно не свойственным Эйдену, как будто не было никакой тирады, произнесенной мной ранее, раздалось следующее:

– Мне не нужен кто-то еще. Мне нужна ты.

Вот бы я записывала этот разговор. Я могла бы продавать его в интернете сотням девушек, которые заваливали Эйдена приглашениями на свидания, предложениями дружбы или секса и признаниями в любви.

Но я для этого была слишком занята своей злостью. Как только у него хватило наглости сказать мне такое?

– Знаешь, на будущее тебе стоит поразмыслить, что заставляет людей держаться за место. Знаешь, например, ощущение, что тебя ценят по достоинству. Дело не только в деньгах, – сказала я мягко, хотя он этого не заслуживал. – Я уверена, ты найдешь кого-нибудь на мое место. Просто это буду не я.

Он бросил на меня острый взгляд, и у меня в животе завязался неприятный узел.

– Я буду платить тебе больше.

– Просто услышь меня. Дело не в деньгах, черт тебя побери.

Сотня разных мыслей, казалось, промелькнули у него в голове, и он скривился. Я вздохнула. Как мы дошли до такого? Пару месяцев назад он не мог сказать мне «привет». А теперь он сидел у меня дома, за моим убогим столом, и уговаривал меня вернуться к нему на работу.

Звучит как серия «Сумеречной зоны».

Он решительно вскинул подбородок – этот жест был слишком хорошо мне знаком.

– Срок действия моей визы истекает в следующем году, – выдал он.

И я... просто закрыла рот.

Я вспомнила, как несколько месяцев назад перебирала его почту и видела что-то по поводу визы. Скорее всего, он получил это уведомление снова прямо перед моим увольнением, когда я сказала ему, что надо проверить бумажки, которые я оставила на столе.

Но я не понимала, как визу можно использовать в качестве оправдания тому, что ты полный мудака.

– Ясно. Ты уже отправил документы, чтобы продлить ее?

Едва договорив, я мысленно спросила себя, какого черта я это сделала. Это было не мое дело. По его вине это было уже не мое дело.

– Нет.

Этого я совершенно не ожидала.

– Почему?

Какого дьявола я задаю эти вопросы?

– Это рабочая виза, – медленно произнес он, будто я была умственно отсталой. Но я все еще не понимала, что не так. – Ее дают, пока я играю за «Три сотни».

Я моргнула, глядя на него, и подумала, что, возможно, за всю свою карьеру он получил слишком много ударов по голове.

– Не вижу проблемы.

Я хотела спросить, почему он беспокоится из-за визы, если любая команда, с которой он подпишет контракт, поможет продлить ее, но он откашлялся и сказал:

– Мне здесь нравится. Я не хочу возвращаться в Канаду.

Этот уроженец Виннипега лишь однажды был на родине за те два года, что я на него работала. Я выросла в Эль-Пасо, но редко бывала «дома», потому что у меня не было ничего, похожего на дом. Не было места, где я чувствовала бы себя в безопасности, или в любви, или в тепле – или какие там еще чувства вызывает «дом».

Я посмотрела на стену сбоку от его головы, ожидая следующего откровения, которое помогло бы понять, о чем он говорит.

– Я все еще не понимаю, в чем проблема.

Подперев подбородок рукой, Эйден вздохнул и пояснил:

– Я не могу остаться здесь, если у меня нет команды.

Нет команды? Почему? У него болела нога? Я хотела спросить его об этом, но не стала.

– Ладно... Может, есть какой-то другой вид визы, на которую ты можешь подать заявление?

– Мне не нужна другая виза.

Я вздохнула, мои пальцы сами собой потянулись к очкам.

– Ясно. Поговори с иммиграционным адвокатом. Уверена, он поможет тебе получить постоянный вид на жительство, – я прикусила щеку, прежде чем продолжить. – У тебя достаточно денег, чтобы решить этот вопрос, у большинства людей нет и этого.

Затем мне в голову пришла идея, и прежде чем я успела обдумать что-либо или уговорить себя промолчать, потому что не испытывала к нему никаких дружеских чувств, внезапно выпалила:

– Или просто женись на американке.

Эйден, смотревший до этого в потолок, неожиданно встрепенулся и уставился на меня изучающим взглядом. Его лицо было ровным и гладким, без единого намека на угрюмость.

– Найди девушку, которая тебе понравится, повстречайся с ней какое-то время, а затем женись. Позже всегда можно будет развестись, – я сделала паузу, вспомнив о дальней родственнице Дианы. – Некоторые люди могут согласиться за хорошие деньги, но есть одна сложность. По-моему, фиктивный брак ради документов – это уголовное преступление.

Взгляд Эйдена стал задумчивым. Слишком задумчивым. Нехорошее ощущение ползло по моей шее. Это было странно, странно, очень странно, что-то было не так, мне нужно было немедленно исчезнуть из его поля зрения. Я сделала шаг назад, не сводя с него глаз.

– Что такое?

Я была не готова к его ответу.

– Выходи за меня.

– *Что?* – Слово слетело с моих губ так резко и грубо, как я себе и представляла, в этом не было никакого сомнения.

Он на наркотиках. Он точно, мать его, на наркотиках.

– Выходи за меня, – повторил Эйден, будто я просто не расслышала.

Я прислонилась к кухонному шкафчику, от шока мои ноги ослабли. Меня так ошеломило его нелепое предложение, что я просто тупо смотрела в его каменное лицо.

– Ты что, обдолбался?

– Нет, – вечно зажатые уголки его рта немного расслабились, и напряжение из его тела ушло – совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы я могла это заметить. – Ты pomoжешь мне получить вид на жительство.

Что, черт возьми, с ним такое? Возможно, все-таки черепно-мозговая травма. Я видела некоторых парней, против которых он играл, это просто не могло пройти бесследно.

– Но с какой стати? – фыркнула я. – С какой стати мне этим заниматься?

Его сильная челюсть снова окаменела.

– Я не хочу ни работать на тебя, ни тем более выходить за тебя замуж, чтобы помочь тебе с этими чертовыми бумагами. Тут мне в голову пришла такая блестящая идея, что я чуть не вскинула руки от восторга. – Женись на той, кто станет заодно твоей помощницей? Это отличное решение.

Эйден энергично закивал, но как-то немного тревожно. Какое бы безумие ни творилось сейчас в его большой голове, он был с ним согласен и выглядел слишком решительным.

– Идеально, – согласился он. – Ты подходишь.

Я подавилась воздухом. Я хотела поспорить с ним, сказать, что он выжил из ума, но я лишилась дара речи. Я была ошелоmlена. Просто охренеть как.

Эйден сидел на кокаине.

– Ты в своем уме? Тебя что, штангой на тренировке придавило?

– Ты сама сказала, что это отличное решение.

Что я натворила?

– Ничего не отлично. Вообще не отлично. Я больше не работаю на тебя. А если бы и работала, не стала бы влезать вот в это.

Но все было впустую. Я видела, Эйден меня не слушал, он о чем-то размышлял.

– Ванесса, ты должна мне помочь.

Он что, не понимал, что мы с ним не друзья? Что он поступал со мной так, как не поступают с близкими людьми?

– Нет, не должна.

Я не исключала, что однажды выйду замуж. Когда встречу подходящего человека. Я нечестно думала о браке, но сама идея мне нравилась. Родители Дианы были примером прекрасных

отношений, и я бы хотела, чтобы моя семья была какой-то такой. Хотя я знала, что и одна не пропаду.

И я не собиралась вычеркивать детей из списка того, что хотела бы когда-нибудь иметь в жизни, если встречу подходящего человека. Я смутно представляла, какие качества нужны мне в партнере, но четко знала, чего точно не потерплю.

И Эйден – даже в свои лучшие дни – не был таким человеком или хотя бы чем-то похожим на него. Да, он был очень красивым, было бы глупо это отрицать. Женщины всех возрастов чуть не сворачивали себе шеи, разглядывая его, потому что Эйден был олицетворением мужественности, а какой женщине не понравится мужчина, который буквально источает тестостерон? Он был лакомым кусочком, по крайней мере я такое слышала. Еще у него были деньги, но это точно не было первым пунктом в списке моих требований. Я и сама могла зарабатывать.

На этом все.

Если не считать первые три месяца работы, я не испытывала никаких чувств к Виннипегской Стене. То есть, конечно, физически меня влекло к нему. Но для меня – из-за моей мамы, которая прыгала из одних отношений в другие, – этого было недостаточно. Мой последний парень не отличался особой красотой, но зато он был милым и забавным. Мы прекрасно ладили, и у нас было много общих интересов. Мы расстались только потому, что ему предложили работу в Сиэтле, а я не была уверена, что люблю его достаточно, чтобы уехать так далеко от своих близких. Однажды я уже уехала от них, поступив в школу в Теннесси.

Эйден несколько не походил на моего бывшего парня. Он не был ни милым, ни забавным. Нам нравились совершенно разные вещи, и, судя по последним неделям наших рабочих отношений, мы не ладили.

И вообще, какого черта я размышляю, почему именно это плохая идея? Я не буду этого делать. Ни за что и никогда.

Эйдену, впрочем, было все равно. Я заранее знала, что он проигнорирует все, что я скажу.

– Эйден, послушай меня. – *«Второй раз в жизни»*, добавила я про себя. – Тревор найдет тебе кого-нибудь. Только попроси.

Это привлекло его внимание.

– Я не буду говорить об этом с Тревором.

Я поправила свои очки, хотя с ними все было в порядке.

– А ты бы стала?

Я поежилась. Я бы не доверила Тревору отправить открытку почтой.

– А как насчет Роба?

Нет ответа. Прекрасно.

– Зак?

Эйден лишь молча покачал головой.

– Твои друзья?

– Если бы я хотел рассказать им – давно бы это сделал, – осторожно сказал он. И в этом ответе было больше одного смысла.

Это вообще многое объяснило. Конечно, он серьезно относился к возвращению в игру после травмы. К этому добавлялся страх, что его депортируют, если команда от него откажется. Кроме того, общение с менеджером и агентом, которые, похоже, не были согласны с решениями Эйдена, могло лишь ухудшить ситуацию. Но кое-что вызывало у меня серьезное недоумение, и это не было связано с тем, что он не хотел возвращаться в Канаду или оставаться в Далласе.

– С какой стати ты рассказываешь мне об этом? – нерешительно спросила я. Его карие глаза остановились на мне, и морщины прорезали его широкий лоб. Я нахмурилась в ответ. – Раньше ты вообще со мной не разговаривал. Никогда. А потом я увольняюсь, и ты внезапно приходишь ко мне домой и просишь вернуться, хотя даже ни хрена не сказал, когда я уходила. И теперь ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж, лишь бы помочь тебе с документами. Ты

говоришь мне то, о чем никому не хочешь рассказывать... И это, блин, странно. Как, по-твоему, я должна на это реагировать?

– Я решил рассказать тебе, потому что...

Запнувшись на полуслове, он закрыл рот. Потом быстро открыл его и снова закрыл. Открыл еще раз и опять закрыл. Похоже, он и сам не знал, почему так поступает. Господи, я уже ничего не понимала. Наконец он пожал своими огромными округлыми плечами и поймал мой взгляд.

– Ты нравишься мне настолько, насколько мне вообще может кто-то нравиться.

Охренеть.

Просто охренеть.

Диана как-то назвала меня безвольной. На самом деле в точности она сказала вот что: «Ты тряпка, Вэн».

«Ты нравишься мне настолько, насколько мне вообще может кто-то нравиться» нельзя было считать комплиментом. Совершенно точно нельзя было. Я не настолько тупая. И все же...

Из меня вдруг вырвался низкий смешок. Секунда, и я уже глупо хихикала, подняв глаза к потолку.

Вероятно, это был самый большой комплимент от Эйдена, на который я могла рассчитывать.

Ты нравишься мне настолько, насколько мне вообще может кто-то нравиться. Господи.

– Что тут смешного? – нахмурился Эйден.

Я закрыла лицо рукой и оперлась о стол, все еще немного хихикая и потирая лоб.

– Видишь ли, не раздражать тебя и быть с тобой друзьями – совершенно разные вещи.

Ты ясно дал мне это понять, Эйден.

Он смотрел на меня так невинно и спокойно, что я просто не знала, что еще сделать.

– Я ничего не имею против тебя.

«Ничего не имею против тебя».

Я начала ржать – прямо ржать. Кажется, это уже звучало так, будто я плакала, но на самом деле я смеялась.

– Ты самая уравновешенная женщина, какую я когда-либо встречал.

Уравновешенная. Да он смерти моей хочет.

Вот до чего я докатилась. Получаю недокомплименты от человека, который думает только о себе. От человека, с которым я безуспешно старалась подружиться снова и снова.

Надо отдать ему должное: он немного подождал, прежде чем заметить, осторожно и мягко, пожалуй, слишком осторожно:

– Тут нет ничего смешного.

Мне пришлось присесть на корточки, потому что у меня свело живот от смеха.

– Ты хочешь – господи, как больно, – чтобы я совершила преступление... только потому, что ты ко мне *«неплохо относишься»*, потому что ты *«ничего не имеешь против меня»* и потому что я *«уравновешенная»*. Не знала, что у тебя есть чувство юмора.

Лучший защитник Национальной футбольной лиги тут же воспользовался этим.

– Так ты согласна?

У меня уже даже не было сил сердиться на него. Я все еще продолжала смеяться над тем, как идеально подхожу на должность поддельной жены.

– Нет, но это был самый яркий момент в наших отношениях. Нет, правда. Вот бы ты с самого начала был таким. Тогда я, наверное, продержалась бы дольше и даже подумала бы, не вернуться ли мне ненадолго.

Впрочем, этого было бы мало. Работа на Эйдена не входила в мои планы. Особенно после всего, что произошло тогда, и всего, что произошло сейчас. *Выйти за него замуж.* Да он с ума сошел.

В планах у меня было – выплатить ужасающие студенческие кредиты, купить себе дом и новую машину. А потом... Всею свое время. Поездить по миру, встретить кого-то, кто будет достаточно мне нравиться, и начать отношения, может, даже завести ребенка, если захочу. И сохранить при этом финансовую независимость.

А для этого мне нужно было работать, поэтому я заставила себя встать, взглянула на своего бывшего босса и пожала плечами.

– Слушай, Эйден, ты найдешь кого-нибудь, если немного постараться. Ты привлекательный, у тебя есть деньги, и ты в основном вполне приличный парень, – я намеренно выделила «в основном». – Я бы предложила тебе кого-нибудь, но мои подруги в два счета сведут тебя с ума, и я не настолько зла на тебя, чтобы знакомить тебя с моими сестрами.

Я закусила щеку, не зная, что еще сказать, и полностью осознавая, что скорее всего никогда не пойму, что привело его к тому, что он сейчас стоит передо мной.

И что сделал Эйден?

Его глаза блуждали по моему лицу. Наморщив лоб, он покачал головой.

– Мне нужна твоя помощь.

– Нет, – я снова пожала плечами и неохотно улыбнулась ему, почти нежно, зная, что он не привык к отказам. – Ты сам во всем разберешься. Без моей помощи.

Глава 7

– Нет, – хихикнула я в трубку, переворачивая жареный сэндвич с сыром. – Я больше не пойду с ним на свидание. Да и я ему, кажется, не очень понравилась.

– Я тоже была не в восторге от Джереми до нашего третьего свидания. И посмотри на нас теперь!

Трудно было придумать аргумент хуже.

Я встречалась с ним раз пять, а лучше бы ни разу. Брату Дианы он тоже не нравился. Мы познакомились с ним на дне рождения Дианы, и через несколько минут обменялись взглядами со значением «он полный придурок». Никто из нас не пытался скрыть свою неприязнь, и сейчас я просто промолчала, что должно было сказать Диане достаточно.

Диана все поняла и вздохнула:

– Он замечательно ко мне относится.

Я сильно в этом сомневалась. В каждую нашу встречу Джереми пытался ввязаться хоть с кем-нибудь в драку... безо всяких на то причин. Он казался слишком взвинченным и самоуверенным. Мне не нравилась его энергетика, а я научилась прислушиваться к своей интуиции, когда дело касалось людей.

Я много раз пыталась поговорить об этом с Дианой, но она лишь отмахивалась.

– Я не могу сказать о нем ничего хорошего, так что лучше просто промолчу, – сказала я ей.

Глубокий вздох, вырвавшийся у нее, дал мне понять, что она тоже не хочет больше говорить о Джереми, прекрасно понимая, что это гиблое дело. Ничто не заставит меня изменить свое мнение о нем, только если он спасет мне жизнь или что-то в этом роде.

– Я все равно думаю, что тебе стоит сходить на второе свидание. Хоть выпьешь за его счет.

И зачем только я сказала ей, что парень, с которым я вчера встречалась, пригласил меня на еще одно свидание? Я же знала, что зря это делаю.

– Я и так пила без остановки, чтобы продержаться эти два часа. Нет, с меня хватит.

Диана пренебрежительно фыркнула.

– Вина много не бывает.

– Есть ли что-то, что я должна знать?

– Не знаю, Бетти Форд. Это ты мне скажи.

Девушка, которая была мне практически сестрой, равно как и подругой, разразилась тем привычным громким смехом, который настолько отдавал домом, насколько это было возможно.

– Иди ты к черту! Да я выпиваю от силы два-три раза в неделю.

– Это так ты пытаешься убедить меня, что у тебя нет проблем с алкоголем? – рассмеялась я.

Она выплюнула ягоду.

– Иногда я вообще не понимаю, почему мы до сих пор общаемся.

– Может, потому что кроме меня, твоего брата и мальчиков тебя никто не любит?

– Пожалуй, – задумчиво протянула Диана.

И мы одновременно расхохотались.

– Когда ты сегодня освободишься? – спросила я.

Мы не виделись с тех пор, как Диана покрасила мне волосы.

– Э-э... давай потом. На сегодня у нас с Джереми другие планы.

Да, возможно, я закатила глаза. Совсем чуть-чуть.

– Дай мне знать, когда будешь свободна.

Я сделала вид, что не слышала ничего про Джереми.

– Конечно. Я хочу попробовать на тебе другой цвет. У тебя корни еще не отросли?

Я как раз собиралась отчитать ее за то, что она даже не спросила, можно ли ей покрасить меня еще раз, как в мою дверь громко постучали.

– Повиси-ка минутку, – сказала я, выключила плиту и пошла к двери.

Это не соседи. Они заходили не часто и никогда не колотили в дверь с такой силой.

Так что я знала, кто стоял за дверью, еще до того, как посмотрела в глазок.

– Эй, вонючка, давай я тебе перезвоню. Я... ко мне пришли, – поспешно объяснила я. Я до сих пор никому не сказала, что Эйден приходил ко мне домой и просил меня вернуться на работу, и тем более, что предлагал мне выйти за него, чтобы он получил вид на жительство. Я хотела позвонить Заку, но потом передумала.

– Конечно. Пока, – сказала Диана и сбросила звонок еще до того, как я успела попрощаться.

– Кто там? – спросила я, хотя готова была поставить двадцатку, что знала ответ.

– Эйден, – ответил голос по ту сторону двери, как раз в тот момент, когда я приподнялась на цыпочки, чтобы посмотреть в глазок. И действительно, по ту сторону меня приветствовало загорелое лицо с глазами шоколадного цвета и привычно поджатыми губами.

Я открыла дверь, и Эйден в черной толстовке с капюшоном на голове тут же занял весь проем, оправдывая свое прозвище. Он и правда был как чертова стена.

– Это ты, – вздохнула я. – Опять.

Я готова была признать, что иногда и правда вела себя как тряпка. Но если я в ком-то разочаровывалась, это было почти невозможно исправить. Спросите Сьюзи. Я могла простить Эйдену несносный характер, но не тот его разговор с Тревором. По сути, я вычеркнула Эйдена из своей жизни. Он причинил мне боль.

Он одарил меня взглядом, который я не смогла расшифровать, и – не дожидаясь приглашения – шагнул в квартиру. Его грудь скользнула мимо моей руки, и я почувствовала изходящий от его тела жар. Мне не нужно было смотреть на часы, чтобы догадаться, что он только что из зала. К тому же он пах так, будто не стал принимать душ после тренировки.

Только я закрыла дверь, как Эйден повернулся, уперев руки в бока, и обжег меня еще одним непонятным взглядом.

– Твои соседи – наркоторговцы.

А. Ой.

– У меня нет с ними проблем, – сказала я, пожав плечами.

Конечно, мне пришлось раз двадцать сказать им «нет, спасибо», но я не стала это упоминать.

– Ты *знаешь*, что они торгуют наркотиками?

Я снова пожала плечами, решив не говорить этому зануде, что другие мои соседи – члены печально известной банды, которая носит синие платки в карманах. Так что я решила сменить тему, тем более что на сковороде меня ждал сэндвич.

– Что тебе нужно? – сказала я и тут же пожалела об этом. Черт.

– Ты.

Я.

В другом мире, с другим человеком я наверняка была бы рада, что я кому-то нужна. Но... это был Эйден. Эйден, который считал, что он должен жениться на мне, Эйден, который появился ко мне домой только потому, что ему что-то было от меня нужно. В своем воображении я сложила пальцы в виде пистолета, поднесла их ко лбу и нажала на курок. В реальности же я просто невозмутимо смотрела на него, мои веки опустились сами собой, без капли удивления.

– Нет.

– Да.

Господи помилуй.

– Нет.

– Да, – настаивал он.

В животе у меня заурчало – напоминание, что я ничего не ела еще с завтрака. Но сначала надо было отвести этого несговорчивого парня. Сдвинув очки на макушку, я со вздохом потерла глаза, смотря на него затуманенным взглядом.

– Очень польщена, конечно, – если честно, то *не то чтобы*. – Но я последний человек, к которому тебе стоит обращаться.

Его ноздри раздулись, и он вскинул подбородок, демонстрируя четкую линию челюсти. Этот огромный мужчина, который зарабатывал на жизнь состязаниями против других огромных мужчин, сейчас сердито смотрел на меня. *На меня*.

– У тебя есть парень?

– Нет...

– Тогда никаких проблем.

Я потерла глаза рукой и попыталась справиться с раздражением. Выдохнув, я снова надела очки и уставилась на эту гору мышц, занявшую весь коридор. Похоже, неприятного разговора не избежать.

– С чего мне начать?

Он взглянул на меня так, что мне захотелось сунуть палец ему в нос. Похоже, другого ответа я от него не получу. Если он хотел быть занозой в заднице, я тоже могла ею быть. А чего терять? Мы не были друзьями, и раньше его нисколько не волновали мои чувства, так что и я не должна была чувствовать вину за то, что была с ним честна.

Итак, я начала.

– Хорошо. – Я расправила плечи, готовясь к битве, и взглянула на картину с одной из моих любимых книжных обложек в поисках моральной поддержки. На ней было изображено сердце, сделанное из разноцветных шпилек, для книги под названием «Колючая любовь». Я гордилась этой работой.

– Во-первых, мы не знаем друг друга.

– Нет, знаем, – возразил этот неумняемый.

Я хотела перейти к моему следующему аргументу, но было очевидно, что это невозможно, пока он не осознает каждую из более чем очевидных причин, по которым моя помощь в вопросе его миграционного статуса была ужасной идеей.

– Я-то хорошо тебя изучила, но ты вообще ничего обо мне не знаешь, кроме имени. Ты хоть в курсе, какая у меня фамилия?

– Мазур.

Я и правда чертовски хорошо его изучила, поэтому скрестила руки на груди и с подозрением прищурилась.

– Ты, что, навел обо мне справки?

Он ответил мне ужасно самодовольным взглядом, который бесил меня до безумия. В сети ходил один популярный снимок, на котором он запечатлен во время пресс-конференции после игры с похожим взглядом, направленным на репортера, задавшего ему глупый вопрос. В тот день трусики летели по всей территории США. Но меня этот заостренный подбородок, поджатые губы и пустые глаза лишь выбили из колеи.

– Не вижу, в чем проблема.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

– Я не знаю, то ли ты притворяешься, то ли ты и в самом деле такой непробиваемый, – сказала я сквозь зубы. – Я работала на тебя два года, а ты не знал моего полного имени. Ты не мог даже сказать мне «привет». Эйден, ты просишь у меня не двадцать долларов займа.

Эйден, ты совсем меня не знаешь, и я тебе даже не нравлюсь. И это ничего, мне все равно, но мы не можем «пожениться», – я показала кавычки пальцами в воздухе, – ради твоих документов, если я тебе не нравлюсь. Ты не можешь игнорировать меня годами, не обратить никакого внимания на мое увольнение, хреново со мной обращаться, а потом ждать, что я по первому зову брошусь к тебе на помощь.

– Я же сказал, что в целом...

Бог мой. Я разговаривала со стеной. Мой глаз чуть не начал дергаться, пока я боролась с желанием пошутить по поводу его прозвища.

– Ты неплохо ко мне относишься. Поэтому ты позволил Тревору так говорить обо мне? Потому что ты в целом неплохо ко мне относишься?

Он потер шею рукой, щеки у него порозовели.

– Я... – начал было он и замолчал. Румянец спустился по его лицу до самой шеи.

Черт.

Мне пришлось досчитать до шести. Спина застыла. Горло сжало. Как же бессмысленно это все было.

– Ладно, Эйден, *ладно*. Я даже не знаю, что это, черт возьми, значит, но ладно; ты все сказал своим отношением в последние два года. Теперь у тебя нет ассистента, ты хочешь стать гражданином, и вот ты здесь. Вполне искренне, не правда ли? Но так и быть, я дам тебе шанс. Может, ты и правда почему-то испытываешь ко мне что-то вроде симпатии, и ты не хотел показывать это, чтобы я не загордилась.

Звучит как бред.

– Но как насчет того, что ты предлагаешь мне совершить уголовное преступление? Тебя могут депортировать, а я попаду в тюрьму. Что ты на это скажешь?

– Это незаконно, только если тебя поймают.

У меня отвисла челюсть. Может, это был сон? Как это вообще могло происходить в реальности?

– У меня есть план, – заключил он тем тихим-тихим голосом, который напомнил мне грузовик с прицепом с хрипящим двигателем.

Слишком поздно, у меня уже появилось чувство, что это дело безнадежно.

– Знаешь ли, правительство серьезно относится к подобным вещам. Это я сяду в тюрьму, а не ты.

Ладно, я не была уверена, действительно ли меня посадят в тюрьму или нет, но такую возможность никто не исключал.

– Я все выяснил, у меня есть план.

Опять он со своим дурацким планом.

– У меня тоже есть план, и в него не входит фиктивный брак с кем-то ради его документов. Прости, Эйден, но тебе придется поискать жену в другом месте. Впрочем, тебе и не нужно. Просто заплати тому, кто может быстро сделать тебе документы.

– Брак – лучший способ, – он сделал паузу. Его большие руки сжались, и я могла поклясться, что в этот момент он выглядел еще больше. – Мне не нужна еще одна виза.

Мое жалкое слабое сердце даже немного заболело за него. Я чувствовала себя ужасно, отказывая Эйдену. Я не любила говорить «нет» тем, кто просил меня о помощи. Но это было просто смешно. Передо мной стоял человек, который никогда не был добр ко мне и не пытался подружиться, пока я от него не ушла. Теперь казалось, что он просит у меня невозможного, и я не чувствовала себя обязанной ему помогать.

– Даже не знаю, что сказать, – покачала я головой. – Ты сошел с ума. Я не буду этого делать и не понимаю, как у тебя хватило наглости попросить меня об этом.

Его взгляд встретился с моим, настойчивый и непоколебимый, как будто я только что не отказала ему еще раз. Он вздернул подбородок, и губы на мгновение исчезли, скрывшись за зубами. Зубами, которые, как я помнила, были белыми и идеальными.

– Ты так сильно злишься на меня?

Я направила на него свой воображаемый пистолет и нажала на курок, прежде чем сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Даже если бы мы расстались друзьями, я бы не вернулась к тебе на работу, не говоря уже о том, чтобы выходить за тебя замуж, чтобы помочь тебе с визой или видом на жительство.

Его глаза медленно блуждали по моему лицу, заставляя вспомнить о том, что на мне не было никакой косметики... или даже вонючего лифчика. К счастью, я только однажды видела, как он смотрел на что-то, кроме моего лица, и это было в ту ночь, когда я была в коротком платье. С другой стороны, я никогда не видела, как он рассматривал бы женскую грудь или попу. В прошлом он сотни раз говорил СМИ, что у него нет времени на отношения, и он говорил чистую правду. Его правда не было.

– Ванесса, у тебя все на лице написано, – заявил он, и я тут же забыла, в каком виде стояла перед ним.

Слово *«придурак»* крутилось у меня на языке.

– Я перестала злиться на тебя в ту секунду, когда вышла из твоего дома.

– Ты врешь. У тебя сейчас такое лицо, какое ты всегда делаешь, когда пытаешься скрыть, что злишься, – он снова скользнул по мне взглядом, и я смутилась.

– Неправда, – практически прошипела я.

Его невозмутимое лицо говорило само за себя. *Лгунья.*

Так, к черту. Я была голодной, угрюмой и раздраженной. Он говорил правду. Судя по тому, как пульсировала вена у меня на лбу, я все еще хранила не столь уж маленькое количество гнева и на него тоже.

– Так. Ладно. Я все еще немного сержусь на тебя. Ты позволил Тревору говорить гадости за моей спиной. *Тревору*, – К этому моменту моя кровь уже не знала, приливать к лицу или полностью его покинуть. – Тревор собственного ребенка продаст, предложи ему цену получше. Может, мы и не были друзьями, но ты должен был знать, что я заботилась о тебе гораздо больше, чем чертов *Тревор*.

Один только звук этого имени разозлил меня, и я приказала себе успокоиться.

Раз, два три, четыре, пять.

Я закусила щеку и посмотрела на него.

– Ты *ни разу* не извинился передо мной. Ты хоть понимаешь, как это некрасиво? Это вообще не в твоем характере – извиняться. После всего, что я сделала для тебя, всего, что я когда-либо делала, всего, что выходило за рамки обязанностей рядового сотрудника, а ты просто... Я бы никогда никому не позволила поливать тебя грязью за твоей спиной, – мой взгляд встретился с его. Он должен был понять: я говорю это не потому, что просто хочу сделать ему неприятно.

– А перед моим уходом ты вел себя как последняя свинья, – заявила я обвинительным тоном, чувствуя, как знакомый укол разочарования обжигает мою грудь. – Так с какой стати мне помогать тебе? Мы ничем друг другу не обязаны. Мы не друзья. – Я пожала плечами. – Возможно, ты ничего не знаешь обо мне, но я знаю о тебе почти все, но это сейчас не имеет значения. С меня хватит. Я уважала тебя. Я восхищалась тобой. А ты... тебе было плевать. Как вообще можно ожидать, что я сделаю вид, будто ничего такого не было.

Я сама поразилась, насколько сильно смогла потерять самообладание, и еще больше была шокирована тем, что не задыхнулась к концу своей тирады.

Вены пульсировали. Мои руки сжались в кулаки, и я почувствовала себя злее, чем когда-либо. Все же, когда глаза вернулись к мужчине в толстовке с капюшоном, стоящему в пяти футах от меня в коридоре моей квартиры, я остановилась.

– Ты права, – сказал он наконец.

Не то чтобы я совсем не ждала от него извинений, но...

Что?

– Нельзя было позволять ему говорить все это.

– Неужели.

Эйден проигнорировал мое замечание.

– Мне следовало лучше обращаться с тобой.

Мне полагалось не согласиться?

Словно чувствуя, что слова его совершенно бессильны, Эйден решительно расправил плечи.

– Прости меня.

Я разжала руки и опустила их. Я даже не знала, что сказать, и просто пыталась унять свое колотящееся сердце.

– Ты была замечательной помощницей, – добавил он.

Я все еще продолжала смотреть на него. Конечно, я не была замечательной, но я была единственной, кто у него когда-либо был...

Он дотронулся рукой до шеи, его кадык дернулся. Я готова была поклясться, что его внушительные плечи как будто уменьшились.

– Ты всегда заботилась обо мне, а я не ценил этого, пока ты не ушла.

Некоторое время ни один из нас не произносил ни слова. Возможно, он ждал, когда я снова обрушусь на него с тирадой, или может быть, я ждала, что он попросит меня сделать то, чего я не хотела. Кто знал? Но, должно быть, пауза затянулась, так что Эйден наконец прокашлялся.

– Ванесса, прости меня за все.

Похоже, он и правда чувствовал себя немного виноватым. С другой стороны, я была уверена, что он не стал бы извиняться, если бы ему не нужна была моя помощь. И весь мой скепсис наверняка написан у меня на лице.

Но Эйден не был идиотом, или даже близко к этому, так что просто продолжил:

– Я злился из-за того, что не имело к тебе никакого отношения. Я не пытался быть дружелюбным, это правда, но я не переходил черту и не хотел быть грубым с тобой.

Я фыркнула, вспомнив сцену в спортзале и на радио.

Должно быть, он понял, о чем я думаю, потому что покачал головой в разочаровании или смирении, я точно не знала, да и мне было все равно.

– Прости, что вымещал на тебе свое раздражение. Я знаю, извинения ничего не изменят, но мне действительно жаль, что все так случилось.

Хотелось ли мне спросить, из-за чего он тогда злился? Конечно. Но я знала: если я спрошу, он решит, что его тактика действует и он сможет переубедить меня.

А это было не так.

Так что я молчала. Я много чего могла простить, но чем дольше я размышляла о случившемся, тем очевиднее было, что он сильно подвел меня – при том, что я не возлагала на него больших надежд с самого начала. Эйден просто стал еще одним человеком, который не оправдал моих ожиданий. Так на какой хрен тогда это все? Кроме того, какой-то стресс последних двух месяцев не мог объяснить месяцы и годы полного игнорирования.

Эйден неотступно наблюдал за мной своими темными, кофейными глазами. Он смотрел. Смотрел. Смотрел.

– В последнее время я находился в невероятном напряжении, – сказал он, и эти слова были похожи на наживку.

Все это я уже слышала.

Он облизнул верхнюю губу и опустил голову, прежде чем сделать долгий глубокий выдох.

– Не возражаешь, если я загляну в туалет?

Кивнув, я указала в сторону спальни.

– Это там.

Эйден исчез за дверью, а я воспользовалась моментом, чтобы судорожно выдохнуть. В какой-то момент у меня начала немного болеть голова – это от голода и нервного напряжения. Я поспешила на кухню, взяла уже остывший сэндвич и, наклонившись над раковиной, принялась обкусывать жареный сыр.

Не успела я съесть и половину сэндвича, как Эйден вернулся. Он замер в дверном проеме, скрестив руки на груди. Не будь я в таком паршивом настроении, непременно оценила бы ширину его плеч, идеальные пропорции всей его массивной фигуры. Мне не нужно было смотреть на его бедра, чтобы знать, что они были шириной со ствол красного дерева.

– Я заплачу тебе, – сказал Эйден, пока я совершенно точно не оценивала его тело.

Я уже хотела ответить, что не нуждаюсь в деньгах, но он продолжил.

Это был словно взрыв бомбы.

– Я выплачу твой студенческий кредит и куплю тебе дом.

Сэндвич выпал у меня из рук прямо в раковину.

Глава 8

Сказать, что у меня была своя ахиллесова пята, значило не сказать ничего.

Я росла в семье, где были пятеро детей и мать-одиночка. С деньгами у нас всегда было туго. Хуже некуда. Карандаши у меня были самые дешевые, которые даже рисовали с трудом. И я всегда donaшивала чужую одежду – до тех пор, пока я не стала достаточно взрослой, чтобы самой покупать себе новые вещи. К тому времени я уже жила в приемной семье.

Чему такая жизнь точно научила меня, так это бережному обращению с вещами и ценности денег. Никто не уважал деньги так, как я.

Поэтому я пришла в ужас, когда подала документы в университет и поняла, что не получила стипендию. Никакую. Вообще ничего. Даже не 500 долларов.

Не то чтобы я плохо училась в школе. Просто я была застенчивой, редко поднимала руку на уроках и не принимала участия во внеклассных занятиях. Я не занималась спортом, потому что у меня не было денег на форму или взносы в команду. Больше всего мне нравилось сидеть в одиночестве и рисовать, рисовать, рисовать... если, конечно, было чем. Я и не добилась высот ни в чем, за что мне могли бы дать стипендию. В моей школе не было стоящей программы по изящным искусствам; самое ближайшее, что я смогла найти, была мастерская по работе с деревом, в чем я очень преуспела. Но куда меня это привело?

Хорошо помню, как моя классная руководительница фактически назвала меня посредственностью. Правда. Она сказала мне: «Может, тебе стоило работать усерднее?»

Я была так потрясена, что не смогла даже досчитать до десяти.

Мало было закончить школу практически на «отлично». Мне все равно пришлось пережить шок и ужас, когда меня приняли во все хорошие университеты, куда я подавалась, но... не дали никакой финансовой помощи, если не считать федерального гранта для малоимущих, который покрывал лишь десять процентов стоимости моего обучения.

И, конечно, университет, в который я хотела пойти, находился за пределами нашего штата и был невероятно дорогим. Но он понравился мне гораздо больше, чем все другие, которые мы ходили смотреть с друзьями осенью последнего года обучения.

Тогда-то я и совершила самый необдуманный поступок в жизни – взяла кредит. Я взяла студенческий кредит на огромную, немыслимую сумму.

А еще я никому об этом не сказала.

Ни своим приемным родителям, ни младшему брату, ни даже Диане. На всем свете только я знала, что на мне висит долг в двести тысяч долларов.

В течение четырех лет, прошедших с момента получения степени бакалавра, я выплачивала столько, сколько могла, и одновременно пыталась откладывать, чтобы в конечном итоге иметь возможность полностью посвятить себя мечте. Кредит такого размера был настоящей бездонной ямой, с которой нужно было смириться, как приходится смириться с гепатитом – потому что он никуда не денется. Но он только заставлял меня трудиться еще больше. Днем я работала у Эйдена, а потом до глубокой ночи занималась своими проектами в дизайне. В конце концов мне удалось выплатить серьезную часть долга, и я наконец вздохнула посвободней... до тех пор, пока не начинала всматриваться в выписки по кредиту, которые получала в почтовый ящик каждый месяц.

И все же...

– Что думаешь? – спросил Эйден, глядя на меня с невозмутимым видом, будто не он только что озвучил самый большой секрет моей жизни.

Что я думала? Что он выжил из ума. Что моему сердцу лучше бы не биться так сильно. Что никто не должен был знать про мой долг.

Хотя по большей части, маленькая часть меня думала о том, что за все приходится платить.

– Ванесса?

Я посмотрела на Эйдена, прежде чем взглянуть на несчастный сэндвич в раковине. Потом я глубоко вздохнула, закрыла глаза и снова открыла.

– Как ты узнал про мой кредит?

– Я всегда знал о нем.

Что?

– Но как... откуда?

Я чувствовала себя... Честно говоря, я чувствовала, будто кто-то нарушил мое личное пространство.

– Тревор проверил тебя.

Теперь, когда он упомянул об этом, все встало на свои места, хотя было неприятно слышать, что они знают обо мне что-то, что я так упорно старалась скрывать.

– Сомневаюсь, что ты смогла выплатить всю сумму.

Что ж, тут он был прав.

Меня сейчас вырвет.

– Я заплачу все, что ты еще должна.

Вот так. Возьму и заплачу. Как будто 150 тысяч долларов – это ерунда.

Мне всегда нравилось смотреть по телевизору шоу, в котором владельцы какого-то бизнеса анонимно приходят на свою фирму, чтобы в итоге осчастливить своих сотрудников какой-то немислимой суммой денег на отпуск или оплату долгов. Я смотрела его со слезами на глазах. Люди обычно плачут, говорят, что не ожидали подобного подарка судьбы и что эти деньги – благословение для их семей, и рассказывают, как это изменит их жизни.

А теперь это произошло со мной.

Мои руки дрожали. Легкие были лишены воздуха.

Студенческий кредит был моей ахиллесовой пятой.

Мне было лишь совсем чуть-чуть стыдно за то, что его предложение не показалось мне нелепым. Почему я не сказала ему заткнуться и не выгнала его? Почему не посмеялась ему в лицо? Почему не сказала, чтобы он убирался к дьяволу, не сказала, что он не купит меня? Он так плохо обращался со мной и не заслуживал, чтобы я помогала ему и рисковала ради него своей жизнью.

Сжав руки, я позволила чувствам овладеть мной. Он предлагал решить ту проблему, которая топила мою душу, будто цементный блок в бассейне. Кто он вообще такой?

С другой стороны, как отказаться от такого предложения? Мне нравилось думать, что я умею принимать мудрые решения и делать то, что лучше для меня – в том числе в долгосрочной перспективе. Но 150 тысяч долларов? *Охренеть*.

– Я готов на компромисс, – предложил Эйден, его глаза были спокойны, а голос тверд, но это ничуть не помогало.

Я фыркнула.

«Заткнись, Ванесса, – приказала я себе. – Заткнись, заткнись, заткнись и просто соглашайся, идиотка. Не заставляй его передумать. Ты же не можешь быть настолько тупой. Ради таких денег можно сделать что угодно. Подобный шанс бывает раз в жизни. Плевать, что он задел твои чувства, что это глупо и незаконно. Тысячи женщин согласились бы на это и за меньшие деньги».

Но я не могла просто заткнуться. Был во мне этот маленький занудный голосок, над которым я работала годами – и который иногда не мог молчать.

– Эйден... – начала я.

Самый накачанный мужчина, которого я когда-либо знала, сделал шаг вперед и опустил руки по швам, пригвоздив меня к месту одним своим взглядом.

– Это должна быть ты. Я все продумал. Ты знаешь мой график лучше других, ты не действуешь мне на нервы, и ты... – он покачал головой и затем просто уничтожил меня. – Я сделаю для тебя что угодно. Просто скажи, и я это сделаю.

Головная боль, которая до этого отдавала у меня в висках из-за голода, внезапно усилилась.

«Скажи ему «нет», – шепнул мне здравый смысл. – Скажи, пусть проваливает».

Когда-нибудь я и сама смогу погасить кредит. Время еще есть.

Но другая часть моего мозга, отвечавшая за логику, подсказывала мне, что было бы глупо упускать такую возможность. Все, что от меня требовалось – это выйти за него замуж, так ведь? Подписать бумажку? Сэкономить целое состояние?

Вот черт. Я не могла каждую минуту менять свое мнение. Я только что распиналась перед ним о том, что мы не друзья, что он сильно ранил мои чувства, что он поступил как идиот, даже заикнувшись об этом... и спустя всего несколько минут я уже обдумывала его предложение. С другой стороны, его предложение равнялось сумме более сотни тысяч долларов. Это не какой-нибудь пустяк.

Только когда рука задрожала сильнее, чем раньше, у меня возник ответ, но даже простое желание подумать о предложенном варианте заставляло меня чувствовать себя продажной женицной.

Но может, я и была бы проституткой, но по крайней мере проституткой, свободной от долгов, так ведь?

Его взгляд был прикован ко мне, стоящей на крошечной кухне в мешковатых пижамных штанах от доктора Пеппера и майке на тонких бретельках без лифчика. Этого красивого, пугающего мужчину хотели...

Со мной что-то не так. Со мной абсолютно точно что-то не так.

«Скажи ему, чтобы проваливал. Скажи ему, чтобы проваливал».

Но я не послушалась.

– Дай мне подумать, – неуверенно выдавила я.

Он не стал праздновать победу из-за того, что я не послала его прямо здесь и сейчас, что было удивительно. Вместо этого Эйден очень спокойно сказал:

– Хорошо. – Секунду он колебался, переминаясь с ноги на ногу. – Прости, что обидел тебя.

От выражения его лица у меня в горле застрял комок.

– Я привык быть сам по себе. Ничего из того, что я делал или говорил, не имело к тебе никакого отношения. Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Сказав это, он повернулся и ушел. Единственным звуком, обозначившим его уход, был стук захлопнувшейся за ним двери.

Мне предстояло всерьез подумать об этом. Подумать о том, чтобы выйти замуж за парня ради денег, хотя месяц назад я оставила его из-за того, что он не защитил меня перед своим менеджером и предал ту крошечную связь, что у нас, как мне казалось, была. Какого вообще черта?

«Будь умницей», – шепнул здравый смысл.

Следующие две ночи я почти не спала, что не удивительно. Как, черт возьми, уснуть, когда я могла думать только о том, что собираюсь совершить мошенничество – ради больших денег! Это что, вот так чувствуют себя воры?

Мне было стыдно, а ведь я еще ничего не совершила.

Я чувствовала, что продалась, так как не сказала резкого «нет», но до определенной степени.

Я и не ожидала, что выплата всех моих долгов и возможность получить собственный дом окажутся такими соблазнительными. С другой стороны, моральные принципы уже не так важны, когда ты месяц за месяцем откладываешь сумму целой ипотеки? Я жила в квартире, которая привела бы в ужас моих приемных родителей. Моей машине было уже двенадцать лет. Я свела расходы на себя к минимуму, чтобы распоряжаться деньгами так, как мне было нужно.

И тут я задумалась... если я соглашусь, однажды мне придется разводиться. И потом придется рассказывать своему будущему мужу – если он будет, – что однажды я уже была замужем, но я никогда не смогу раскрыть ему причину. У меня вряд ли бы получилось лгать и притворяться, что этого никогда не было, даже если наши отношения с Эйденом были фальшивкой и существовали лишь на словах.

Было ли это круто? Честно? Возможно, я чувствовала себя так, потому что моя мама так и не вышла замуж, пока я была маленькой, из-за я всегда представляла свадьбу как нечто сверхсерьезное, особенное, что дано далеко не каждому. Союз двух людей, которые решили покорять этот мир вместе, – так что следует тщательно подходить к выбору партнера. Пока смерть не разлучит вас и все такое, иначе зачем тратить жизнь впустую. Так ведь?

К тому же что мне сказать близким и друзьям? Если я вдруг объявлю, что выхожу замуж за Эйдена, они сразу поймут, что я по уши в дерьме. Мне придется рассказать им о кредите, чтобы объяснить свой поступок, а я скорее умру, чем сделаю это.

Это было уже слишком. Через край.

В конце концов я взяла телефон и позвонила единственному человеку, который сразу бы раскусил мою ложь. Я не могла больше это выносить. Я устала, была мрачной и ни на чем не могла сосредоточиться. Пора было принять решение.

– Диана, ты бы вышла замуж ради денег? – с ходу спросила я.

– По обстоятельствам, – заявила она без раздумий. – Сколько денег?

Тогда я поняла, что позвонила не тому человеку. Надо было просто спросить совета у Оскара, моего младшего брата. Он был самым рассудительным человеком, какого я только встречала. Он играл в баскетбол и изучал машиностроение. Оскар был мудр не по годам. А Диана... не совсем.

Я решила сказать ей только часть правды.

– Что, если бы тебе купили дом?

Она задумчиво хмыкнула.

– Хороший дом?

– Не особняк, жадная ты потаскушка, но и не халупа.

По крайней мере, я так думала.

– То есть мне всего-то нужно выйти замуж, чтобы получить хороший дом?

Позже я смогу посмеяться над всей этой ситуацией и над тем, как легко Диана к этому отнеслась.

– Да.

– Что-нибудь еще от меня потребуется?

Что-нибудь еще? Мы женимся только для того, чтобы Эйден получил вид на жительство.

– Нет, не думаю.

– Ясно, – Диана оживилась. – Тогда да, конечно. Почему нет?

Конечно. Почему нет. Господь милосердный. Я фыркнула.

– Погоди-ка, а почему ты спрашиваешь? *Кто* должен выйти замуж? – наконец сообразила она.

Закончив рассказывать все как есть (за исключением того, почему именно я ушла), я замолчала в ожидании ее мудрого – обычно не очень – совета.

– Сделай это.

– И это все? – усмехнулась я. Я спрашивала у нее совета по поводу решения, способного изменить мою жизнь, и это то, что она решила ответить?

– Ну да. А почему нет? Он богат, ты знаешь все его недостатки. И он готов заплатить тебе. О чем тут думать? – деловито сказала она.

Нет, это определенно был не тот человек, к которому стоило обращаться за советом.

– Это незаконно.

– Значит, надо сделать так, чтобы тебя не поймали.

Так-так, Эйден-младший, успела подумать я, прежде чем она продолжила:

– Люди делают это сплошь и рядом. Помнишь Фелипу? – это была ее кузина, как я могла забыть? – Тот парень из Сальвадора, за которого она вышла, заплатил ей пять тысяч долларов. Тебе обещают целый дом, Вэнни, будь благодарна.

Определенно не тот человек.

– Мы с ним недолюбливаем друг друга.

Это ее рассердило.

– Ты со всеми умеешь ладить. Да и он относится к тебе не так уж плохо, раз предложил это тебе, а не кому-то еще. Да всякие сучки в очередь бы выстроились, если бы он только захотел.

Ее комментарий заставил меня застонать.

– Ты действительно думаешь, что мне стоит согласиться?

– Нет никаких причин поступать иначе. У тебя нет парня. Тебе нечего терять.

Она говорила об этом так легко, что я чувствовала себя полной дурочкой из-за того, что не ухватила моментально за такой шанс, но что-то все равно поедало меня изнутри, и как только она заикнулась о сучках, которые выстроились бы в очередь, я поняла, что это. Моя гордость. Я хрустнула костяшками пальцев.

– Не знаю, что я буду чувствовать, если мой *муж*, – я едва не подавилась этим словом, – начнет встречаться с другими? Даже если брак будет фиктивным. Кто-нибудь обязательно узнает, что мы поженились, а я не хочу выглядеть дурочкой, которой изменяют направо и налево.

Диана снова задумчиво хмыкнула.

– Он с кем-нибудь встречался, пока ты работала у него?

Нет. Никогда. Даже среди его контактов в телефоне не было женщин. Это я точно знаю. Мне однажды нужно было купить ему новый телефон и перенести туда номера со старого. Возможно, я их немного изучила. В его доме не ночевала и не ошивалась ни одна женщина. После выездных игр он тоже ни с кем не встречался, потому что, по словам Зака, Эйден всегда сразу возвращался в свой гостиничный номер.

Так что да, я чувствовала себя немного глупо.

– Нет.

– Значит, беспокоиться не о чем?

Я нервно сглотнула.

– Я тоже не смогу ни с кем встречаться.

Диана расхохоталась так сильно, что я даже почувствовала себя оскорбленной.

– А ты смешная!

– Ничего смешного.

Ну да, у меня уже пару лет не было отношений. И что теперь?

Он смеялась все сильнее.

– «Не смогу ни с кем встречаться»! – передразнила она меня. – Ты уже начала выдумывать всякую чушь.

Всем было известно, что я не часто ходила на свидания.

Диана чуть ли не прикрывала рот руками, чтобы подавить смех.

– Ви, сделай это и перестань себя накручивать.
Помощи от нее было немного. Я поняла, что все еще не знала, что решить.
– Я еще подумаю.
– Да о чем тут думать?
Обо всем.

Я все думала об этом. Думала, думала и думала.

Я проверила остаток своего долга, и меня едва не стошнило. Смотреть на это шестизначное число было все равно что смотреть на солнце. Просто нельзя было это делать.

Вся эта история с Эйденом была лотереей, в которой я оказалась единственным участником и к тому же получила выигрышный билет. Крупица беспокойства шевелилась у меня в груди, и я больше не могла ее игнорировать.

Я свяжу себя с человеком, искренность которого оставалась под вопросом. Я отдам ему годы своей жизни.

Это будет незаконно.

И я буду относиться к этому исключительно как к деловой сделке. В целом, конечно, все выглядело не так уж сложно. Я знала Эйдена и понимала, почему он это затеял. В основном.

Я не понимала другого – почему он так хотел вернуть меня в свою жизнь.

Однако, независимо от всех деталей, я была возмущена тем, что Эйден я-получаю-все-что-хочу Грейвс решил, что я стану той, кто ему поможет. В глубине души я чувствовала, что он не заслуживал ни моей помощи, ни даже моего участия.

Однако...

Погасить мой студенческий кредит – это не просто выписать чек. Его невозможно было выплатить лет за пять, как кредит на машину. А если взять еще покупку нового дома... Это были большие деньги, большие страдания и большие проценты. Тридцать лет ипотеки. Я была бы счастлива не влезать в нее.

Все так?

Но могла ли я простить его и сделать это?

Людям свойственно ошибаться. Мы часто не ценим то, что имеем, пока не потеряем. Я на собственном горьком опыте убедилась в этом, когда дело шло о мелочах, которые раньше принимались как должное. Но также я знала, что подолгу держу обиды и очень злопамятная.

Я обнаружила, что еду к дому Эйдена. Сердце билось у меня в горле – я рисковала своей жизнью и свободой из-за проклятого студенческого кредита, который висел на мне мертвым грузом.

Охранник у ворот одарил меня улыбкой, когда я подъехала к территории, где жил Эйден.

– Давненько я не видел вас, мисс Ванесса.

– Я больше тут не работаю. Но Эйден не должен удивиться моему визиту.

Он посмотрел на меня так, будто не был слишком удивлен.

– Я знаю. Он каждую неделю напоминал мне, чтобы я впустил вас, когда вы вернетесь.

Или Эйден был слишком самоуверен, или...

Не было тут никаких «или». Он был слишком самоуверен. Мне вдруг захотелось развернуться и уехать, просто чтобы преподать ему урок. Но я не была настолько эгоистична или глупа. Вместо этого я помахала охраннику рукой и поехала к дому, в котором бывала несчетное количество раз.

Я знала, что он будет дома, поэтому меня не беспокоило отсутствие машин на подъездной дорожке, когда я припарковывалась, как делала это столько раз в прошлом, после чего направлялась к входной двери, чувствуя невероятную неловкость, когда пришлось звонить в звонок.

Мне хотелось развернуться, уйти и сказать себе, что я не нуждаюсь в его деньгах. Мне правда хотелось это сделать.

Но я никуда не ушла.

Вскоре щелкнул замок и дверь распахнулась. На пороге стоял Эйден собственной персоной в своей обычной одежде, его огромное тело блокировало свет из дома. Выражение его лица было спокойным и серьезным, он впустил меня и повел туда, где все когда-то началось, – на его огромную кухню. Неважно, каким невероятно удобным был его диван; во время еды, чтения или собирания пазлов он, похоже, всегда предпочитал сидеть на кухонном островке или на одном из стульчиков в углу.

Эйден сел на свой любимый стул, а я выбрала место как можно дальше от него. Это было более чем странно, учитывая, что было на кону.

Я была самостоятельной личностью, а он был ничем не хуже и не лучше меня, и независимо от того, что произошло, мне следовало об этом помнить.

Честность – лучшая тактика, верно? Так что я набрала в грудь воздуха и просто начала говорить:

– Знаешь, мне как-то не по себе. – Призналась я на одном дыхании, вглядываясь в знакомые черты, очерченные скулы, густую короткую бороду, закрывавшую нижнюю половину его лица, и этот неровный белый шрам вдоль линии волос.

На протяжении двух лет я видела это лицо по меньшей мере пять раз в неделю, и ни разу мы не разделяли момента, близкого этому. Я бы не забыла такого, потому что для меня это было важно.

Одно дело – если посторонний человек предлагает мне выйти за него замуж, потому что ему нужен вид на жительство. Совсем другое – если об этом просит знакомый человек, который всегда относился ко мне с пренебрежением.

Честно говоря, это было гораздо хуже.

Длинные ресницы Эйдена на мгновение опустились, и человек, который был так же жаден на эмоции, как я на вишневые и клубничные конфетки, пожал своим огромным округлым плечом.

– Чего ты боишься? – отчеканил он.

– Я не хочу в тюрьму.

Я действительно очень не хотела в тюрьму. Я почитала об этом в интернете: брак, заключенный с целью мошенничества, был уголовным преступлением. За него можно было получить до пяти лет тюрьмы и штраф, по сравнению с которым мой студенческий кредит был просто ерундой.

– Для этого тебя должны уличить во лжи, – ответил он. По-видимому, он стал мужской версией моей лучшей подруги.

– Я совсем не умею врать, – со вздохом призналась я. Он даже понятия не имел насколько.

– Ты планировала свой уход задолго до того, как бросила работу, – заявил он обвинительным тоном. – Так что все ты умеешь.

Наверное, я должна была почувствовать себя виноватой, но этого не произошло. Тогда мне даже не пришло в голову, что он каким-то образом узнал, что я уже давно планировала уволиться. Это тут же вылетело у меня из головы.

– Я тебе не врал. Я оставалась, потому что тебе только-только стало лучше, и я не хотела тут же бросать тебя. Я не могла убедить себя наконец сделать это и всего лишь пыталась поступить как порядочный человек. Это разные вещи.

Его густые брови приподнялись на миллиметр, но больше ни один мускул на лице не отреагировал на мои слова.

– Заку ты сказала.

– Да, потому что Зак – мой друг, – я совершенно точно не собиралась извиняться за это. – Каким образом я должна была вбросить это в разговор и ждать, что ты отобьешь мне кулачок.

Или ты собирался обнять и поздравить меня с этим? – Я чуть не пригвоздила его взглядом, который как бы говорил: «Ты издеваешься, что ли, черт бы тебя побрал?»

– Когда я наконец сказала тебе, что бросаю работу, тебе было просто все равно. Вот и все, что я получила. И все же... Я так злюсь на тебя, хоть и понимаю, что не должна. Но я ничего не могу с собой поделать. Мы не друзья; ты никогда не пытался подружиться со мной. А теперь тебе что-то понадобилось, и ты делаешь вид, будто жить без меня не можешь. Но мы оба знаем, что это чушь собачья.

Он резко вздохнул и замолчал на мгновение, взглядом он будто пытался просверлить дыру в моей голове.

– Я уже извинился перед тобой. Искренне. И ты это знаешь.

Мысленно я с неохотой признала, это правда. Извиняться было не в его привычке, и, каким бы ни был его характер, лжецом Эйден не был. Это просто противоречило его генам. Чтобы он наконец произнес слово на букву «и»? Это не было рядовым событием.

– У меня нет времени на дружбу. А если бы и было, вряд ли бы я стал заводить друзей. Так было всегда. И на отношения у меня тоже нет времени. Думаю, ты понимаешь. Я не боюсь, что нас разоблачат...

– Это потому, что сидеть придется мне, а не тебе, – напомнила я, разозленная тем, что он решил сменить тему.

Эйден приподнял бровь еще на миллиметр, раздувшиеся ноздри выдавали его раздражение.

– Я все узнал и проконсультировался с иммиграционным адвокатом. Мы можем это сделать. Для начала тебе нужно просто подать петицию за меня.

Эйден не сказал, что он уверен в том, что мы справимся, он сказал, что мы «можем» это сделать, и я не упустила из виду данный нюанс.

– Знаешь, Эйден, в том, что я никак не могу сказать тебе «да», виноват только ты. Раньше, когда я работала на тебя, я бы сделала для тебя все что угодно, но сейчас, особенно когда ты ведешь себя так, будто одного «прости» достаточно, чтобы вычеркнуть из моей памяти неуважение ко мне перед другими людьми и тот унижительный разговор с Тревором... меня это просто бесит. Как ты можешь просить меня о таком огромном одолжении, если я ничем тебе не обязана? Если бы не мой кредит, меня бы здесь даже не было.

Я закусила щеку.

– Я прошу тебя оставить меня в покое, я сама выплачу кредит, как и планировалось. Мне не нужны твои деньги.

Наши взгляды встретились, и я с трудом подавила желание расплакаться.

– Я хотела, чтобы ты уважал меня и ценил, когда это еще имело для меня значение. Ты мне нравился. Я восхищалась тобой. И всего за пару дней ты убил все это.

Будучи ребенком, я на собственном горьком опыте убедилась, как дорого обходится правда. Иногда приходится платить тем, что люди уходят из твоей жизни. Иногда ты теряешь еще что-то. Большинство людей были слишком скупы, чтобы платить за что-то столь дорогое, как честность. Сейчас же я могла сказать, что цена неожиданно поразила Эйдена.

Медленно, после нескольких глубоких вдохов, Эйден опустил голову и потер рукой свою мощную шею. Он дышал теперь тяжело и хрипло, и его выдох, должно быть, добрался до самой Аляски.

– Прости меня.

Голос у него погрубел, словно его протащили по песку и засыпали осколками стекла. Тем не менее это почему-то звучало как самое искреннее признание, какое он когда-либо произносил, по крайней мере при мне.

Но этого все равно было недостаточно.

– Я могу тебя простить. Уверена, что позже, когда меня уже не было, ты и правда пожалел о том, что произошло. – Я сдвинула очки на макушку, чтобы устало потереть лоб, а потом снова опустила их. – Слушай, это не лучший задел для фиктивного брака, тебе так не кажется?

– Нет. – Он слегка повернул голову, ровно настолько, чтобы я смогла увидеть эти темно-кофейные радужки с ярким янтарным ободком вокруг зрачка, смотрящие на меня из-под опущенного веера длинных ресниц. – Я всегда учусь на своих ошибках. Мы были хорошей командой в прошлом. Мы снова станем хорошей командой.

Он снова поднял голову – ямочка на его щеке возникла из ниоткуда – и расправил плечи.

– Я не очень-то силен в таких вещах. Мне проще дать тебе денег, чем упрашивать. Но я буду просить, если это то, чего ты хочешь, – признался он и в этот момент казался как никогда уязвимым. – Ты единственная, кого я готов упрашивать.

Почему все это не могло быть более однозначно?

– Я не хочу, чтобы ты упрашивал меня. Если я чего и хотела... Даже не знаю. Может, мне хотелось хотя бы немного уважения, но это бессмысленно. Ты хочешь, чтобы это была сделка, и я тебя понимаю. Просто я чувствую себя дешевкой, потому что знаю: попроси меня об этом Зак, я бы сразу согласилась, ведь он мой друг. А ты не мог найти в себе силы сказать мне «с добрым утром».

Он вздохнул, дернул себя за ухо двумя пальцами и опустил взгляд на столешницу.

– Я могу быть твоим другом.

С опозданием на два года.

– Только потому, что тебе от меня что-то нужно.

К чести Эйдена, он не стал со мной спорить.

– Я могу попытаться, – сказал он низким серьезным голосом. – Друзья требуют массу времени и сил, но я... – Он снова посмотрел на меня и вздохнул. – Я могу попытаться. Если это то, чего ты хочешь.

– На самом деле я так злюсь. Не уверена, что это то, чего я хочу. Наверное, мне не это было нужно. Я просто хотела, чтобы ты начал видеть во мне человека, а не какое-то безличное существо, которому трудно даже сказать «спасибо». Так что, когда ты говоришь, что попытаешься стать моим другом, это выглядит слишком неестественно.

– Я знаю, прости меня. Я одиночка. Всегда им был. Все мои друзья были связаны с футболом, да и эти отношения заканчивались очень быстро. Ты знаешь, что карьера всегда была для меня на первом месте. Ты знаешь, насколько серьезно я к этому отношусь, может быть, намного серьезнее, чем остальные члены команды. – Казалось, что каждое слово этого признания давалось ему с трудом.

Я продолжала смотреть на него искоса.

– Я знаю, что ты понимаешь. И я признаю, что был с тобой не очень приветлив. Я уже сказал, что не силен в том, что касается дружбы, и никогда не был силен. Мне проще было даже не пробовать.

Если это не был самый ленивый его комментарий, то я тогда даже не знаю. Но я не сказала этого вслух.

– Если бы ты меня раздражала, я бы выставил тебя за дверь после первого же твоего среднего пальца.

Не то чтобы мне это очень польстило.

– Ты хороший сотрудник. Я говорил тебе это. Мне нужна была помощница, Ванесса, а не друг. Но ты хороший человек. Ты всю себя отдаешь работе. Ты преданная. Я мало о ком могу сказать такое, – его кадык подпрыгнул, когда Эйден посмотрел прямо на меня. – Мне нужен друг. Мне нужна ты.

Он что, пытается подкупить меня своей бесценной дружбой? Или это я стала насквозь циничной?

Рассматривая его лицо, я вдруг почувствовала себя очень глупо. Все же это был Эйден. Может, он и поступил паршиво, не защитив меня перед Тревором, но, если вдуматься, он и Зака не стал бы защищать. Он много раз говорил в интервью, что хочет сосредоточить все свои силы на карьере. Его тренеры в один голос твердили, что такого целеустремленного и трудолюбивого игрока у них еще не было.

В футбол Эйден начал играть только в старшей школе. В старшей школе. Большинство профессиональных игроков приступают к тренировкам, как только научатся ходить. Но это было призвание Эйдена, как сказал Лесли, его школьный тренер. Он мгновенно стал феноменом и получил футбольную стипендию для поступления в университет. И не просто в какой-то там университет, а в один из лучших. Тот, в котором он выиграл несколько чемпионатов и даже получил диплом.

Вот черт.

Вот черт.

Он не стал бы просить меня об этом, если бы не думал, что ему это нужно.

И я прекрасно знала, что люди не меняются, если сами этого не хотят, а этот мужчина готов был сделать все, чтобы достичь цели.

Печальный вздох вырвался у меня из груди. Ответ был уже на кончике моего языка. Что еще я могла сказать ему и не показаться при этом последней идиоткой?

– Допустим, мы это сделаем. Как долго мы должны оставаться... – я не смогла сказать это с первого раза. – Как долго мы должны оставаться в браке?

Он старался смотреть мне прямо в глаза, когда отвечал.

– Пять лет, так мы вызовем меньше подозрений. Сначала мне дадут временную грин-карту. Через два года я смогу претендовать на постоянную.

Пять лет? Эйдену тридцать, значит, ему будет тридцать пять. Мне к моменту развода исполнится тридцать один. Этот возраст показался мне не таким ужасным, каким должен бы быть... если бы я действительно собиралась согласиться.

И все же. Целых пять лет. Мало ли что случится за это время. С другой стороны, сама я не выплачу долг не то что за пять, но и за десять лет, даже если продам машину, избавлюсь от мобильного телефона, буду ездить только на автобусе и есть лапшу быстрого приготовления на завтрак, обед и ужин.

– Пять лет, – повторила я. – Ладно. Логично, да?

Я посмотрела на него, напоминая себе, что я все еще не сказала «да». Пока мы просто обсуждали.

– Да, это логично. Если я соберусь сказать «да», с чем я еще пока не определилась, так что поприветствуй коней. – Я готова была похлопать себя по плечу за то, что оставалась такой принципиальной и твердой.

Он посмотрел на меня спокойно, невозмутимо.

– Что еще тебя беспокоит?

Я фыркнула.

– Ну знаешь... все.

Эйден пристало смотрел на меня.

– Что все? Я выплачу твой долг и куплю тебе дом.

«Думай, Вэн, думай». Нельзя было соглашаться так легко. Во мне была доля самоуважения, и я еще не до конца простила его за то, каким козлом он был, несмотря на, скорее всего, манипулятивные и вынужденные извинения ранее. Моя гордость тоже имела цену, и мысль об этом заставила меня с трудом сглотнуть и встретиться взглядом с тем, кто так долго заставлял меня смотреть в другое место.

– А вдруг твоей карьере придет конец? – спросила я, хотя это и прозвучало так, будто меня заботили только его деньги. Но это была сделка, и я собиралась относиться к ней как к сделке.

Эйден еле заметно повел бровью.

– Ты знаешь, сколько у меня денег.

Это была правда.

– У меня все будет хорошо, даже если я сегодня брошу работать. И ты знаешь, что я не транжира, – заявил он чуть ли не оскорбленно. Я знала, что он хочет сказать: что он может расплатиться со мной и ему все равно хватит на безбедную жизнь.

– Я не буду опять твоей помощницей, – сказала я, глядя ему прямо в глаза, хотя это было очень-очень сложно. – Я усердно работала, чтобы полностью посвятить себя дизайну, и не собираюсь отказываться от этого.

Его широкая квадратная челюсть напряглась, и я могла с уверенностью сказать, что он сжал зубы, что вызвало у меня странное ощущение победы в груди.

– Ванесса...

– Я серьезно. Я не буду этого делать. Однажды мы уже работали вместе, и ничем хорошим это не закончилось. Я не хочу снова проходить через это. Я вообще не хочу ввязываться в эту историю, но от твоего предложения трудно отказаться, – объяснила я. – Не думай, что я пытаюсь воспользоваться тобой. Ты сам обратился ко мне с просьбой. Ты изо всех сил старался заставить меня согласиться. Я говорила тебе, что тысячи женщин во всем мире пойдут на это с большой охотой и не потребуют ничего взамен, – кроме секса, но я решила это не упоминать. – Я тебе не нужна. Весь мир в твоих руках. Я не знаю, понимаешь ли ты это.

Сказав это, я поняла, что я, возможно, самый глупый человек во всей вселенной. Самый глупый.

Часть меня ждала, что он пошлет меня, потому что это противоречило условиям сделки, и мне нужно было, чтобы он это понял. Если он скажет, что я, черт возьми, выжила из ума, тогда через двадцать лет я, скорее всего, смогу смириться с тем, что отклонила его предложение. Я планировала уволиться и двигаться к своей мечте; я не собиралась еще пять лет тащить на себе такой объем работы. Это не входило в мои планы. Я готова была пожертвовать многим, но не этим.

Сложив руки на коленях, я крепко сжала пальцы и постаралась сосредоточиться на ровном дыхании.

По всему было видно, что он расстроен. Даже очень. Но он не сказал мне ни да, ни нет. Мне уже нечего было терять, и я хотела, чтобы он понял: да, возможно, я веду себя немного стервозно, но не без причины. Эйден делал все что мог для осуществления своей мечты, а я делала все ради своей. Если кто и мог понять меня, так это он.

Я подняла руку и поправила дужку очков, заставляя себя не отводить взгляд. Я нервно облизнула губы и приподняла брови. Я сделала это, сказала то, что было нужно, и теперь мне оставалось лишь жить с последствиями до конца своей жизни, черт бы ее побрал.

Прошел, казалось, целый год, прежде чем Виннипегская Стена наконец вздохнул.

– Так что, ты согласен, что я не буду больше твоей помощницей? – спросила я, опустив локоть на стол.

Эйден серьезно и вымученно кивнул.

Я была не уверена, что мне испытывать – облегчение или разочарование, поэтому решила вернуться к бизнесу.

– Я не собираюсь сидеть в тюрьме из-за тебя, так что нам нужно все как следует продумать. Что мы скажем Заку?

Кстати, о Заке. Где он?

– Даже если я скажу ему, чтобы он съехал, он поймет, что что-то не так. Придется сказать ему. Нам нужны будут люди, которые подтвердят, что наш брак настоящий.

Действительно? Я кивнула, вспомнив о Диане, с которой я этим поделилась.

– Да. Мне пришлось рассказать подруге, иначе бы она что-нибудь заподозрила. Я могу больше никому не говорить.

Я уже думала об этом и была совершенно уверена, что я могла бы превратить попытку Эйдена вернуть меня в своего рода историю любви. По крайней мере, я на это надеялась. Мне было только на руку, что я мало с кем поддерживала близкие отношения, включая моего младшего брата, у которого была своя, весьма насыщенная жизнь.

Эйден понимающе кивнул.

– Но... как насчет всех остальных?

Всех остальных. В буквальном смысле. Всех остальных людей в мире. От одной мысли меня чуть не вырвало. Все идеи и надежды о возможности скрыть этот брак были смыты в унитаз, когда я вспомнила давнюю статью об Эйдене, когда его заметили за ужином с женщиной – женщиной, которая оказалась представителем компании и пыталась его поддержать. Ну и какая разница? – думала я в тот момент.

Но потом до меня дошло. Для некоторых людей это значило очень много. Многих людей заботила жизнь Эйдена Грейвса. Эйден не мог даже постричься, чтобы кто-нибудь тут же не написал об этом у себя на странице. В какой-то момент кто-то обязательно узнает о том, что мы поженились. Это невозможно будет скрыть.

От этой мысли мне стало плохо. Мне не нравилось даже то внимание, которое я получала, работая на Эйдена. Если мы поженимся, оно примет совершенно другие масштабы.

Мне пришлось сглотнуть, чтобы меня не затошнило.

– Мы могли бы держать все в тайне какое-то время, – начал Эйден. – Но рано или поздно кто-нибудь узнает. Мы поженимся без лишнего шума, а потом так же тихо разведемся. Моих фанатов касается лишь то, что происходит на поле. Остальное – не их дело.

Я проживу остаток своей жизни как бывшая жена Эйдена Грейвса.

Эта мысль была совершенно абсурдной. Мне захотелось засунуть голову между колен и начать тяжело дышать.

Вместо этого я заставила себя обдумать его слова, а затем кивнула. Они не были лишены здравого смысла. Конечно, кто-нибудь однажды узнает, но Эйден никогда не любил откровенничать даже со знакомыми людьми, не говоря уже о посторонних. Никто не удивится, что он решил сохранить свой брак в тайне.

– Мы не сможем подписать договор, в котором будет сказано, что я куплю тебе дом и выплачу твои долги. Но я надеюсь, ты достаточно доверяешь мне, чтобы положиться на мое слово. – Казалось, еще немного, и его темные глаза просверлят дыру в моей голове. – Я доверяю тебе достаточно, чтобы отказаться от брачного контракта.

Отказаться от брачного контракта? Эм...

– У меня не будет отношений, пока мы в браке, – внезапно продолжил Эйден. – И у тебя тоже.

Это заставило меня поднять глаза. Мой статус в отношениях не планировал меняться. У меня давно никого не было, и вряд ли кто-нибудь появился бы в ближайшее время, но мой разговор с Дианой мучил меня. Даже как фальшивая жена в фальшивом браке, я все равно не хотела выглядеть идиоткой.

– Ты уверен? Ты можешь встретить кого-то...

– Этого не будет, – отрезал Эйден. – За всю свою жизнь я любил только трех человек. Не планирую полюбить кого-то еще в ближайшие пять лет.

Он не договорил, что он находится в расцвете своей карьеры, но я слышала именно эти слова бесчисленное количество раз в прошлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.